

Робеспьер
(по анонимному рисунку из музея Карнавале).

ФИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

9/44 Я. ЗАХЕР
3,584
596

Р О Б Е С П Ъ Е Р

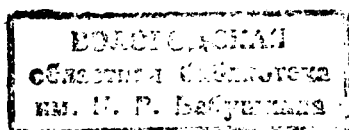
0786

К 1102618

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Молот

9 (и) (44)

~~9 (и) 31~~

3-38

9 (и) Франция

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введение	7
Глава I. Детство и юность Робеспьера. Его деятельность в Аррасе	12
» II. Первые месяцы Учредительного Собрания.	17
» III. Годы реакции	22
» IV. Бегство в Варенн. Конец Учредительного Собрания.	30
» V. Законодательное Собрание. Вопрос о войне	35
» VI. Падение монархии	44
» VII. Первые месяцы Конвента. Процесс Людовика XVI	49
» VIII. Весна 1793 года. Гибель Жиронды	55
» IX. Начало якобинской диктатуры. Террор.	64
» X. Раскол в среде монтаньяров. Гибель эбертистов и дан- тонистов	70
» XI. 9 термидора	76
» XII. Идеология Робеспьера. Его личная жизнь	83
Заключение	91

Историки буржуазии видят в якобинстве падение... Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение... Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом, потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами и потому, что в самой Франции не было материальных основ для социализма...

В. И. Ленин. (Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 286.)

...в обществе ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, особенно при неизбежном обострении этой борьбы революцией, не может быть „средней“ линии. А вся суть классовой позиции и стремлений мелкой буржуазии состоит в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному, т.-е. как раз к такой „средней линии“.

В. И. Ленин. (Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 272.)

ВВЕДЕНИЕ.

XVIII век был веком расцвета торгового капитализма

Начавшись еще с конца средних веков, развитие торгового капитала стало усиливаться с наибольшей быстротой с XVI столетия. Захват колоний в Америке с их несметными природными и накопленными туземцами богатствами создал новый источник первоначального накопления, и на почве грабежа колоний и торговли неграми возникла и выросла не одна крупная капиталистическая фирма... Так обстояло дело в наиболее развитых западно-европейских государствах, и Франция не была из них исключением. Широкое развитие морской торговли, как колониальной, так и европейской, явилось для французской буржуазии основным источником первоначального накопления. Действовавшая в стране откупная система взимания податей создавала еще дополнительный путь для образования крупных денежных капиталов.

Но, если первоначальное накопление являлось, вообще говоря, основной предпосылкой перехода к промышленному капитализму, то существовавший во Франции общественно-политический строй создавал непреодолимую преграду для такого перехода, и он мог совершиться только в результате насильственного разрушения этого строя, т.-е. через революцию.

Крупные денежные капиталы, не находившие себе достаточно выгодного помещения в торговле, естественно стремились проникнуть в другие хозяйственные отрасли.

Франция, в которой сельское хозяйство и в настоящее время еще имеет первостепенное значение, в XVIII веке являлась страной с ярко выраженным преобладанием земледелия над индустрией. При этом, несмотря на широкое распространение крупного землевладения — дворян, духовенства, государства, а отчасти и буржуазии — преобладающей формой

землепользования являлось мелкое крестьянское хозяйство, встречавшееся в самых разнообразных формах, начиная от почти средневековых феодальных правоотношений крестьян к помещику и кончая владением земель на праве частной собственности или капиталистической аренды. Все дошедшие до нас документы и описания современников (в особенности известного английского путешественника Артура Юнга) единогласно сходятся на этом утверждении, а ознакомление с общественным строем дореволюционной Франции объясняет нам причины этого явления. При тех привилегиях, которыми во Франции XVIII столетия пользовались дворяне в области сельского хозяйства (в особенности так называемые феодальные права, речь о которых будет ниже), пути для развития капиталистического земледелия оказывались закрытыми. Поскольку же привилегированное дворянство, в большинстве случаев оторванное от производственной деятельности, было совершенно лишено оборотных средств, необходимых для самостоятельного ведения хозяйства, оно было вынуждено отказываться от такового и, дробя свои участки, сдавать их в аренду крестьянам. Таким образом при экономическом и общественном строе Франции XVIII века единственной возможной формой сельского хозяйства оказывалось господство мелкого землепользования.

Таково же было положение и во второй, относительно гораздо менее важной, отрасли хозяйства до-революционной Франции — индустрии. Будучи страной мелкого сельского хозяйства, Франция была вместе с тем и страной мелкой, по преимуществу, ремесленной промышленности, сохранившей свой средневековый цеховой строй.

Исключительное право производства в данной отрасли индустрии имели только лица, являвшиеся членами соответствующей цеховой организации, а панический страх цехов перед конкуренцией и их решительная борьба с какими бы то ни было усовершенствованиями обрекали промышленность Франции на состояние полного застоя. Вот почему к концу 80-х годов, когда в Англии многие машины (в особенности в области текстильного производства) составляли уже широко распространенное явление, машинное производство во Франции едва только зарождалось. Таким образом проникновение торгового капитала в промышленность оказывалось столь же невозможным, как и в сельское хозяйство.

Франция XVIII века была абсолютной, самодержавной и притом необычайно централизованной монархией с ярко выраженным дворянским характером. Все население страны делилось на три сословия, и, в то время как оба первые сословия — дворянство и духовенство — были сословиями привилегированными, так называемое третье сословие, т.е. все остальное население страны, было лишено не только политических прав, но в значительной степени даже и гражданских.

Привилегированное положение дворянства и духовенства выражалось не только в сосредоточении в руках представителей этих сословий всех высших государственных должностей страны, но и в уменьшении, по сравнению с простыми смертными, лежавших на них обязанностей в отношении государства и в значительных правах в отношении прочего населения. Так, дворянство и духовенство были почти совершенно освобождены от налогового обложения. Особенное же значение для остального населения имели так называемые феодальные права и десятина, т.е. особый налог в пользу духовенства, достигавший к концу XVIII века 14 — 15 % дохода.

Хотя во Франции XVIII столетия крепостного права в собственном смысле этого слова уже не существовало, но феодальные повинности, лежавшие на земле, оставались в полной силе, и владельцы земельных участков из третьего сословия (не только крестьяне, но и представители буржуазии) должны были нести целый ряд повинностей в пользу местного сеньера — дворянина, иногда даже не владевшего в данной местности никаким реальным имуществом. Эти повинности заключались не только и не столько в оброке и барщине, сколько в обязанности подчинения целому ряду монопольных прав сеньера (право на сооружение дорог и мостов, проход и проезд по коим облагался особым сбором, право содержания мельниц, исключительное право охоты и т. д.), тяжело отражавшихся на интересах подвластного ему населения. Если же принять еще во внимание, что повинности эти ложились не только на арендаторов помещичьей земли, но и на собственников, то станет совершенно ясным, что феодальные права должны были создать непроходимую пропасть между привилегированными сословиями и третьим и подготовить почву для самой острой классовой борьбы.

Естественно, что громадное большинство представителей дворянства и духовенства были настроены резко реакционно, и если некоторые отдельные члены этих сословий по целому ряду причин в начале революции оказались в числе ее сторонников, то уже очень скоро решительный оборот событий заставил их резко повернуть фронт направо.

Совершенно иным было настроение третьего сословия. Говоря об этом последнем, следует отличать его буржуазную часть от части крестьянско-рабочей. Тяжелее всего во Франции XVIII века было положение крестьянства, страдавшего не только от десятины и феодальных прав помещиков, но и от целого ряда других бедствий. К числу таковых относятся довольно распространенное во Франции малоземелье, заставлявшее крестьян арендовать земли крупных землевладельцев, заметно развивавшийся процесс захвата помещиками общинных угодий и в особенности необычайно отяготительная налоговая система. Поскольку привилегированные сословия были в до-революционной Франции почти совершенно освобождены от обложения, налоговое бремя неизбежно должно было ложиться всей тяжестью на третье сословие и в особенности на его крестьянскую часть. Положение французского крестьянства было очень печальное, и оно должно было быть настроено революционно. Но, лишенные необходимой сознательности и организованности, крестьяне, будучи одной из мощных движущих сил революции, должны были идти под руководством другого класса.

Этим классом отнюдь не мог быть пролетариат. В стране с господством мелкого производства, с едва только зарождавшейся машинной индустрией, пролетариата в собственном смысле этого слова даже и не существовало. Хотя положение рабочих, занятых в домашнем производстве и мануфактуре, и довольно многочисленных строительных рабочих было весьма плачевным (особенно страдали они от низкой заработной платы, продолжительности рабочего дня и дороговизны предметов первой необходимости), но французский пролетариат того времени, лишенный всякой организации и классового самосознания, отнюдь не мог претендовать на руководящую роль в революции.

Гегемоном революции могла быть только одна буржуазия. Достигнув бесспорного экономического господства, французская буржуазия не могла не тяготиться своим совершенно

бесправным положением. Уничтожить это противоречие буржуазия могла только путем захвата государственной власти, т. е. революцией. А складывавшаяся, еще начиная с первой половины XVIII века, идеология буржуазии, нашедшая свое наиболее полное выражение в так называемой «просветительной философии», свидетельствовала о необычайно ярком и отчетливом самосознании этого класса.

Но, если, таким образом, именно буржуазии было суждено сделаться гегемоном Великой Французской Революции, то, с другой стороны, не все слои этого класса оказывались одинаково пригодными для данной роли. В революции, где главными (хотя и малосознательными) движущими силами должны были явиться рабочий класс и крестьянство, руководящая роль не могла остаться надолго за крупной буржуазией, которая уже после первых побед над старым порядком должна была опасаться за сохранность своего «священного» права собственности. Лишь мелкая буржуазия, более всего страдавшая от особенностей этого режима, и менее связанная в своих действиях страхом перед пролетарскими слоями городского населения, могла явиться и действительно явилась гегемоном в этой великой борьбе. Именно авангард этой мелкой буржуазии — партия якобинцев или монтаньяров — сыграла руководящую роль в наиболее ярких событиях Революции, и изучать эту последнюю значит прежде всего изучать деятельность и идеологию якобинской партии и ее вождей, усвоивших учение наиболее радикальных «просветителей». Виднейшим из этих вождей был Максимилиан Робеспьер.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Детство и юность Робеспьера. Его деятельность в Аррасе.

Максимилиан Робеспьер происходил из старой адвокатской семьи, издавна поселившейся в Аррасе. Он родился 6 мая 1758 года и был старшим из четырех детей (двух сыновей и двух дочерей). Когда мальчику едва исполнилось семь лет, умерла его мать, а менее чем через три года за нею последовал в могилу и отец. Потеря родителей, повидимому, произвела на Максимилиана очень глубокое впечатление: во всяком случае, та задумчивость и застенчивость, которые отмечаются всеми современниками Робеспьера, отличали его уже в детстве от большинства его товарищей и сверстников. После смерти родителей оба мальчика были взяты на воспитание дедом и бабкой с материнской стороны, и вскоре затем Максимилиан, а впоследствии и его младший брат, были помещены в Аррасскую коллегию (среднюю школу). Блестящие успехи мальчика заставили его воспитателей подумать о его дальнейшем образовании, и, получив по протекции Аррасского епископа стипендию в парижской коллегии Людовика Великого, Робеспьер был в 1769 г. отправлен в Париж и помещен в этом учебном заведении, служившем преддверием для поступления в университет. Все дошедшие до нас свидетельства современников молодого Максимилиана указывают на его необычайное трудолюбие, делавшее его одним из лучших учеников. Именно в качестве такового ему по странной иронии судьбы пришлось приветствовать Людовика XVI во время посещения им коллегии Людовика Великого.

По окончании коллегии Робеспьер перешел на юридический факультет парижского университета — Сорбонны, про-

ишил и здесь блестящие успехи и окончил курс в три года. В июле 1781 г. образование молодого человека было закончено.

Хотя учебные заведения того времени носили ярко выраженный классический характер, однако идеи времени не могли, само собой разумеется, не найти доступа к сердцам учащейся молодежи. Уже с юношеских лет Робеспьер делается ревностным поклонником Руссо и по некоторым, не вполне, правда, достоверным известиям, он однажды во время своего студенчества даже посетил знаменитого философа и его убежище в Эрменонвилле. Впрочем, увлечение просветительной философией отнюдь не мешало учебным занятиям молодого студента, и Робеспьер, не ограничиваясь одной теорией, находил время по вечерам работать практически под руководством одного судейского чиновника.

По окончании университета Робеспьер возвращается в родной город и, подобно своим предкам, посвящает себя адвокатской деятельности. В Аррасе в это время жило немало выдающихся людей, и среди аррасских знакомых Робеспьера мы встречаем будущего «организатора победы» Карно и Дюбуа-де-Фоссе, известного по его переписке с Бабефом. Общее увлечение господствовавшей в то время идеологией сближает молодых людей и устанавливает между ними связь в часы досуга, но очень важно отметить, что и в своей профессиональной деятельности Робеспьер целиком остается верен усвоенным им общественным взглядам. Так, однажды мы видим его защитником группы крестьян в их споре с помещиком, в другой раз Робеспьер выступает против монаха, обвинившего в воровстве молодую девушку, которую ему не удалось соблазнить. Но всего более характерен для выяснения тогдашнего настроения Робеспьера так называемый процесс о громоотводе, получивший в Аррасе очень большую известность.

Хотя громоотвод, изобретенный знаменитым Франклином еще лет за двадцать до этого, был уже довольно широко распространен во многих странах, однако во французской провинции восьмидесятых годов XVIII века о нем знали еще весьма мало и смотрели на него, как на дьявольское изобретение.

Один адвокат из города Сент-Омера, обладавший значительным состоянием и интересовавшийся вопросами физики.

соорудил на своем доме громоотвод, желая этим распропагандировать новое изобретение среди соседей. Решив воспользоваться этим обстоятельством, враги адвоката подали на него жалобу, в которой указывали, что громоотвод сооружен для того, чтобы вызвать пожар и поджечь таким путем соседние дома. Как это ни невероятно, но жалоба имела успех, и сент-омерские власти постановили убрать громоотвод, как «нарушающий спокойствие граждан и опасный для общественного порядка».

Однако Виссери (так звали адвоката) на этом не успокоился. Он подал апелляцию в аррасский суд и поручил Робеспьеру выступить в качестве своего поверенного. Молодой адвокат взялся за дело со всей свойственной ему энергией, и ему удалось выиграть процесс. Приговором аррасского суда постановление сент-омерских властей было отменено.

Крупный успех, выпавший на долю Робеспьера в деле Виссери, доставил ему громадную известность в родном городе, и вскоре после окончания процесса, осенью 1783 г., он был избран членом Аррасской академии. Во многих городах Франции того времени существовали такие академии, и в них оформливалась идеология прогрессивной буржуазии. Вступление в академию дало Робеспьеру повод произнести речь о несправедливости наказаний, падающих не только на виновного, но и на членов его семьи. Такие наказания составляли распространенное явление эпохи, и незадолго перед тем Королевское Общество Наук и Искусств в Метце выставило вопрос о позорящих наказаниях в качестве темы на соискание медали. Вот почему Робеспьер не ограничился произнесением своей речи в Аррасской академии, а продолжал работать над той же темой и отправил свою работу в Метц, где она и удостоилась награды.

Для выяснения политических взглядов Робеспьера в эту эпоху его жизни важно отметить, что, выступая ярким противником наказаний, позорящих наряду с преступником и членов его семьи (что он считал противоречащим естественному праву), Робеспьер восхвалял Людовика XVI, только что отменившего судебную пытку. Таким образом, несмотря на свои передовые взгляды, усвоенные из ознакомления с «просветительной» литературой, Робеспьер в это время был убежденным монархистом.

В 1785 г. Робеспьер опять выступает с работой на соискание награды. Амьенская Академия предложила на этот год тему об известном писателе того времени Грессэ. Робеспьер не получил награды, но этой чести не удостоился также ни один из его конкурентов. Вот почему неудача несколько не разочаровала молодого адвоката, и он на-ряду с работой по своей специальности продолжает принимать участие в занятиях Аррасской Академии. В заседании 27 апреля 1786 г. он делает доклад о несправедливости существующего законодательства о незаконнорожденных детях. При этом характерно, что, признавая все варварство законодательства, лишającego незаконнорожденных каких бы то ни было гражданских прав, Робеспьер проявляет свою мелко-буржуазную умеренность и ограниченность и отнюдь не требует их полного уравниения в правах с «законными» детьми. «Впрочем, я вовсе не требую,—говорил он,—предоставления им всех прав законнорожденных детей и допущения на-ряду с последними к наследованию после родителей. Нет — для охраны нравственности и поддержания авторитета брачного союза нельзя допустить, чтобы дети, родившиеся в незаконной связи, пользовались на-ряду с законными детьми правами и имуществом семьи, по отношению к которой они не могут не быть чужими».

Таким образом, уже в аррасский период своей жизни Робеспьер принимает самое деятельное участие в общественной и умственной жизни. Но уже скоро после описываемого времени надвинулись события, которые совершили столь глубокий переворот в жизни Франции и всей Европы и решительно изменили всю деятельность и судьбу нашего молодого адвоката. Начиналась Великая Революция.

Ближайшей причиной Французской Революции послужил непрерывный финансовый кризис, продолжавшийся в течение всей второй половины XVIII столетия и особенно обострившийся после вступления на престол молодого Людовика XVI (1774). При фискальной системе, построенной почти на полном освобождении от налогового тягла наиболее состоятельных элементов населения страны, кризис являлся неизбежным, и никакие частичные паллиативы не могли помочь положению. Когда же правительство Людовика XVI, убедившись в невозможности сохранения существующего положения вещей, попробовало заговорить о не-

обходимости реформ, то к старой буржуазной оппозиции (особенно усилившейся в связи с появлением угрозы государственного банкротства), присоединилась новая оппозиция: привилегированных сословий. Правительство оказалось лишним какой бы то ни было поддержки, и Людовику XV не осталось ничего иного, как согласиться на общее требование всех классов общества и созвать Генеральные Штаты это средневековое, избиравшееся по сословиям, народное представительство, в созыве которого французские короли с 1614 года не видели надобности.

Все эти события не могли, конечно, не отразиться на деятельности Робеспьера. Когда зимой 1788 — 1789 г.г. начинаются разговоры о назначении выборов в Генеральные Штаты, он выступает на путь активной политической деятельности и выпускает брошюру, в которой критикует существовавшие тогда в Артуа провинциальные штаты. Выявляя весь самозванный характер этого учреждения образуемого, в сущности говоря, не путем выборов, путем назначения, Робеспьер указывает на то, что эти штаты никогда не заботились об интересах местного населения, а лишь угодничали перед центральным правительством. Вот почему Робеспьер решительно осуждал претензию провинциальных штатов посылать депутатов в Генеральные Штаты и требовал свободного избрания депутатов самим населением.

Брошюра Робеспьера имела громадный успех, и ей сразу же пришлось выпустить вторым изданием. А вскоре после этого, в марте 1789 г., Робеспьер выпускает новую брошюру, на этот раз анонимную, в которой указывает на всю трудность предстоящего населению выбора депутатов. Его имя становится еще более популярным после его выступления в одном промком процессе, где имело место злоупотребление так называемым летр-де-каше, т.-е. бланковым (без указания лица) приказом об аресте за королевской печатью и подписью, которыми влиятельные лица широко пользовались для сведения личных счетов со своими врагами. Этим процессом Робеспьер воспользовался для произнесения политической речи, в которой призывал Людовика XV стать на путь самых широких реформ. Широкая общественная деятельность обеспечила кандидатуру Робеспьера в Генеральные Штаты.

Приняв самое видное участие в избирательной процедуре и, в частности, в составлении наказов, Робеспьер был избран депутатом Генеральных Штатов от третьего сословия Артуа. Аррасский период жизни Робеспьера был окончителен, и перед ним открывалась дорога к широкой политической деятельности. В начале мая он выехал в Париж.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первые месяцы Учредительного Собрания

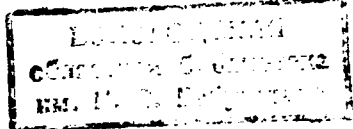
Генеральные Штаты открылись 5 мая 1789 г., но еще за неделю до этого дня в Париже произошло событие, которое не могло не ослабить революционного настроения крупной буржуазии, столь ясно выраженного в избирательных наказах. Предыдущие 1787 и 1788 г.г. были годами сильного неурожая, резко взвинтившего цены на съестные припасы, а царившая в результате невыгодного для Франции торгового договора с Англией 1786 г. безработица значительно ухудшала и без того тяжелое положение рабочего населения. В течение всей зимы 1788 — 1789 г.г. в парижских предместьях царило сильное недовольство, которое в последних числах апреля 1789 г. вылилось в голодный бунт, закончившийся разгромом бумажной мануфактуры Ревельона. Это выступление парижской бедноты не могло, конечно, не напугать крупную буржуазию, и если бы правительство и привилегированные сословия повели себя мало-мальски разумно, то им было бы очень нетрудно на самых выгодных для себя условиях столкнуться с большинством третьего сословия.

Однако этого не случилось. Напротив того, резко враждебное поведение дворянства и духовенства и презрительное отношение правительства к третьему сословию, проявившиеся уже в самый день открытия Генеральных Штатов, толкнули буржуазных депутатов на открытое сопротивление, принявшее вскоре форму затяжной борьбы. Первым этапом этой борьбы было выставленное третьим сословием требование совместных заседаний всех трех сословий для проверки депутатских полномочий, в противоположность традициям старых Генеральных Штатов, где каждое сословие

Робеспьер.

1102618

2

заседало самостоятельно. Приглашая дворянство и духовенство объединиться и образовать единое Национальное Собрание, третье сословие, уже боявшееся народных масс вовсе не имело в виду резко порвать с первыми двумя, и затянувшиеся, больше чем на месяц, переговоры носили со стороны буржуазии резко выраженный соглашательский характер.

С первого же дня существования Генеральных Штатов Робеспьер занял место на крайнем левом фланге депутатов третьего сословия. Во время пререканий с дворянством и духовенством он несколько раз брал слово для того, чтобы обличать соглашательские тенденции большинства и требовать более энергичного тона в отношении привилегированных сословий и правительства. Эти выступления, естественно не имели успеха, и в газетных отчетах этого времени фамилия Робеспьера либо не упоминается вовсе, либо коверкается самым нещадным образом.

Однако, все попытки буржуазной части Генеральных Штатов покончить дело мирным соглашением с представителями старого режима разбивались об упорное сопротивление дворянства и правительства (духовенство оказалось куда более уступчивым), и третьему сословию ничего иного не оставалось, как, укрепляя сердце, решиться на революционный шаг. 17 июня оно провозгласило себя Национальным Учредительным Собранием и пригласило депутатов двух других сословий присоединиться к нему, а принятые правительством репрессивные меры (закрытие зала заседаний 20 июня) лишь заставили Национальное Собрание все дальше двигаться по вынужденному революционному пути. Ответом на это со стороны короны было внешнее примирение со всем совершившимся, но это была только военная хитрость, и правительство, стягивая войска, явно готовилось к вооруженному разгону Учредительного Собрания.

Спор между правительством и крупной буржуазией был решен, совершенно неожиданно для обеих сторон, вмешательством третьей силы, до сих пор не принимавшей прямого участия в борьбе. Этой силой была парижская демократия, доведенная голодом до отчаяния и решившая напомнить о себе выступлением, значительно превосходившим по размерам апрельский ревельоновский бунт. Начавшись 12 июля, парижское восстание закончилось 14-го числа захватом Ба-

нии (парижской крепости и тюрьмы), фактически отпавшим город в руки вооруженного населения. Перед угрозой этого нового движения, куда более опасного, чем все секреты Национального Собрания, Людовик XVI сразу же решил пойти на примирение с этим последним. Стянутые в Версаль войска были удалены, а только что получивший отставку популярный в буржуазных кругах министр Неккер был с триумфом возвращен обратно. Национальное Собрание торжествовало по всей линии.

Итак, Учредительное Собрание было спасено неожиданным вмешательством парижской демократии, но господствующая в нем крупная буржуазия была очень далека от чего-либо, могущего в самой отдаленной степени напомнить чувство торжества от только что одержанной победы. Неожиданный союзник казался ей опаснее побежденного врага, и первым делом Национального Собрания после 14 июля было стремление оградить себя от возможности повторения только что происшедших событий.

20 июля депутат Лалли-Толендаль внес в Учредительное Собрание предложение обратиться к населению с воззванием, осуждающим вспыхнувшее в то время во многих местах Франции революционное движение. Робеспьер горячо выступил против этого предложения и в произнесенной им по этому поводу речи указывал на всю опасность разрыва Национального Собрания с народными массами в момент, когда опасность со стороны двора далеко еще не окончательно была ликвидирована. Но все красноречие аррасского депутата не могло поколебать настроений реакционного большинства Собрания, и единственным результатом его выступления были некоторые второстепенные поправки, внесенные в текст воззвания.

Демократическая позиция, занятая в Учредительном Собрании Робеспьером и небольшим числом его единомышленников, особенно ярко выявилась во время происходивших во второй половине августа прений по обсуждению текста декларации прав. Во время этих прений Робеспьер неоднократно выступает с речами, неизменно защищающими основы демократии, как-то свободу печати, неприкосновенность личности, свободу совести, кратковременность полномочий парламента и т. д. Особенно энергично выступил Робеспьер против королевского вето, и, не получив—в виду закрытия

приятий — слова по этому поводу в Национальном Собрании, он выпустил даже особую брошюру, в которой высказывался против всякого вето — как абсолютного, так и отлагательного. Наряду с этим он продолжает выступать против соглашательской позиции, усвоенной Национальным Собранием в его сношениях с королем, и неизменно требует более энергичного тона по адресу последнего. Но ему лишь редко удавалось повлиять на настроение большинства, и единственным результатом выступлений Робеспьера был лишь быстрый рост его популярности среди народных масс, единогласно отмечаемый всеми демократическими газетами эпохи.

Если уже взятие Бастилии, которое спасло Национальное Собрание от разгона, вызвало сильное поправление крутой буржуазии, испугавшейся выступления парижской бедноты, то всякое новое народное движение, уже ненужное буржуазии, должно было иметь своим результатом ее окончательный переход на сторону реакции. А между тем такое движение должно было неизбежно вспыхнуть, ибо все старания образовавшегося в Париже после 14 июля муниципалитета наладить дело снабжения столицы продовольствием оказывались безуспешными, и голод усиливался с каждым днем. Среди парижского рабочего населения, весьма малосознательного, существовало в то время твердое убеждение, что, если король будет ближе к своему народу, голод прекратится, как по волшебству. И вот 5 октября большая толпа, состоявшая в значительной части из женщин, отправляется из Парижа в Версаль требовать переезда короля в столицу. Выступление 5 октября, поддержанное, кстати сказать, Робеспьером, выступившим в этот день в Национальном Собрании, имело следствием переезд короля, а вслед за этим и Учредительного Собрания, в Париж, и дни 5 — 6 октября знаменуют собой начало нового фазиса в ходе революции.

С этого момента крупная буржуазия окончательно переходит на сторону контр-революции и следующие за октябрьскими днями месяцы и годы являются эпохой самой бешеной буржуазной реакции. Задачей буржуазии становится создание конституции, гарантирующей ее не столько от нападения двора и бывших привилегированных, сколько от опасности слева. Издававшиеся, начиная с конца 1789 г. декреты

но отражают этот поворот в настроении Учредительного Собрания.

Уже воззвание от 14 июля Национального Собрания осуждало всякое самостоятельное выступление народных масс. Теперь, после 5—6 октября, такие воззвания кажутся недостаточными, и вскоре в Учредительное Собрание вносится проект так называемого закона об осадном положении, предоставляющего организованной после 14 июля и буржуазной по своему составу национальной гвардии право беспрепятственно расстреливать народ. Предложение это вызвало сильнейший протест со стороны Робеспьера, который требовал, вместо него, создания особого трибунала по делам о преступлениях, направленных против народа. Но голос аррасского депутата был поддержан лишь немногими единомышленниками, и закон об осадном положении был принят громадным большинством голосов.

Другим важным реакционным актом Национального Собрания было постановление, разделяющее всех граждан на активных и пассивных. Политические права предоставлялись только первым из них, а быть активными гражданами могли только лица, уплачивавшие налог не ниже определенного размера. Таким образом, провозгласив на словах в «Декларации прав человека и гражданина» равенство всех граждан, Учредительное Собрание на деле превращало крупную буржуазию в привилегированный класс. Робеспьер самым решительным образом выступил против этой политики. В нескольких речах, посвященных этому вопросу, он выступил убежденным защитником всеобщего избирательного права, но не мог, конечно, иметь никакого успеха у реакционного большинства Собрания. Такими же безрезультатными оказались и его выступления в пользу большей демократизации органов местного самоуправления и предоставления евреям равных с прочими французскими гражданами прав.

На-ряду с этими выступлениями, имевшими, так сказать, программный характер, Робеспьер не упускал из виду и вопросов тактики, и в осенние и зимние месяцы 1789 г. мы неоднократно видим его на трибуне по различным вопросам текущей политики. И в этих случаях аррасский депутат неизменно выступал сторонником принципов демократии и, требуя от Национального Собрания более решительных и революционных действий, с каждым днем получал все боль-

шую популярность в демократических кругах Парижа и провинции.

Одновременно со своей парламентской деятельностью Робеспьер, уже начиная с лета 1789 г., принимает участие и во внепарламентской политической борьбе. Он является одним из основателей Бретонского клуба, впоследствии переименованного в Общество Друзей Конституции, более известное в истории под названием клуба якобинцев, имени занятого клубом бывшего якобинского монастыря. Этот клуб, состоявший вначале из одних только депутатов и объединявший довольно разнородные элементы, очень скоро впитал в себя все, что было наиболее революционного в Париже и провинции, и сыграл в истории революции весьма значительную роль.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Годы реакции (1790 — 1791).

Конец первого года революции характеризуется, таким образом, резким поворотом крупной буржуазии в сторону реакции. Зима 1789 г. ознаменовалась также временным прекращением массового революционного движения как городского, так и сельского. Происходит некоторое замедление революции, и 1790 г. и первая половина 1791 г. являются эпохой полного торжества буржуазной реакции и закрепления позиций, занятых крупной буржуазией в первые революционные месяцы.

Нам уже приходилось указывать, что французский рабочий класс и крестьянство конца XVIII века страдали полным отсутствием классового самосознания и выступали лишь под влиянием острой нужды, непосредственно толкавшей их на революционные действия. При таких условиях всякая передышка, всякое, хотя бы кратковременное, улучшение материального положения этих классов должны были неизбежно привести к их временному отходу от революции. Именно это и случилось в конце 1789 года.

Несмотря на все торжественные обещания, данные депутатами третьего сословия при их избрании, Национальное Собрание за первые месяцы своего существования реши

только ничего не сделало для улучшения положения крестьянства. Поэтому откликом на восстание 14 июля явилась обширная волна аграрных беспорядков в провинции. Понужденному Национальному Собранию ничего иного не оставалось, как провозгласить в знаменитом ночном заседании 4 августа принципиальную отмену всяких привилегий вообще и феодальных прав в частности. Хотя в дальнейшем, при осуществлении постановлений 4 августа, Учредительное Собрание отказалось от большинства своих обещаний, в данный момент крестьянство поняло эти последние как окончательную отмену сеньерального строя, и сразу же стихийно прекратило исполнение феодальных повинностей. Вот почему, начиная с осени 1789 г., крестьянское движение во Франции в общем и целом замирает, и вспыхивающие в немногих отдельных местностях аграрные волнения лишь подчеркивают общую картину успокоения.

Что же касается рабочего класса, то хороший урожай 1789 г. вызвал значительное понижение цен на съестные припасы, а происшедшее к концу 1789 и к началу 1790 г.г. некоторое смягчение безработицы содействовало значительному улучшению положения городской бедноты. И в городе, как и в деревне, 1790 г. и началу 1791 г. характеризуются весьма заметным успокоением.

Ослабление массового движения значительно облегчало Национальному Собранию работу по закреплению привилегированного положения за буржуазией и преобразования Франции в буржуазное государство.

Таковы были те чрезвычайно неблагоприятные условия, при которых Робеспьеру и возглавляемой им немногочисленной крайней левой части Учредительного Собрания предстояло отстаивать идеалы демократии и всеобщего политического равенства. Борьба должна была быть самой ожесточенной и тяжелой, но сознание этого не только не ослабляло сил и решимости аррасского депутата и его единомышленников, но, напротив того, содействовало их росту. Поведение Робеспьера в 1790 — 1791 г.г. представляется поистине героическим.

Первым и наиболее важным из вопросов, по которому Робеспьеру предстояло скрестить шпаги с крупно-буржуазным большинством Учредительного Собрания, был вопрос о всеобщем избирательном праве. Мы отметили выше настоя-

чивость и упорство, с какими аррасский депутат боролся с олигархическим принципом деления граждан на активных и пассивных. Безрезультатность этой борьбы не помешала Робеспьеру пользоваться всяким удобным и неудобным случаем (напр., при обсуждении вопросов судостроительства) для осуждения созданного Конституантой политического неравенства. 2 апреля 1790 г. он даже добивается издания декрета, приостанавливающего введение в действие закона о разделении граждан в отношении некоторых областей страны, в которых косвенные налоги господствовали над прямыми.

В прямой связи с борьбой Робеспьера за всеобщее избирательное право находится и его оппозиция закону, разрешавшему одним только активным гражданам доступ в ряды национальной гвардии. Уже в заседании якобинского клуба 26 ноября 1790 г. он произносит речь, в которой, протестуя против рассматривавшегося в тот день в Учредительном Собрании соответствующего законопроекта, пользуется этим случаем для нового выступления в пользу принципа всеобщего избирательного права. А в заседаниях Национального Собрания 27 и 28 апреля 1791 г. Робеспьер читает свою вышедшую незадолго перед тем брошюру по вопросу о составе национальной гвардии и доказывает, что рассматриваемый проект направлен не против врагов революции, а против народа. «Социальный порядок,—восклинал в своей речи Робеспьер,— не может покоиться на нарушении священных прав человека... Народ требует лишь спокойствия, справедливости, права на жизнь; богатые же и знатные жаждут почестей, богатств и наслаждений. Интересы и стремления народа согласны с законами природы и интересами всего человечества. Напротив того, интересы и стремления богатых и знатных сводятся лишь к удовлетворению велений их тщеславия, гордости и корыстолюбия, к осуществлению самых нелепых фантазий, самых вредных для общественного благополучия страстей. Все страдания общества являются делом их рук, они одни всегда были бичами народа. Кто совершил нашу славную революцию—неужели же богатые и знатные? Нет, захотеть и сделать ее мог только народ; только народ может и защитить ее».

Подобные слова не могли прийти по вкусу большинству Учредительного Собрания. Робеспьер, как и следовало ожи-

даль, остался в ничтожном меньшинстве, и доступ в национальную гвардию был разрешен одним только активным гражданам. Буржуазное государство должно было защищаться буржуазной же вооруженной силой.

Не менее демократичными были выступления Робеспьера по вопросам судостроительства и судопроизводства, в разрешении которых он, как юрист по профессии, не мог не принять самого деятельного участия. В области судостроительства Робеспьер требовал выборности всех без исключения судей, начиная с низших и кончая судьями кассационного суда; что же касается судопроизводства, то он настаивал на введении суда присяжных не только по уголовным, но и по гражданским делам и предлагал создание, по английскому образцу, наряду с судебным также и обвинительного жюри. Эти принципы в большинстве противоречили интересам большинства Национального Собрания и не могли получить одобрения, лишь немногие из них были приняты и получили силу закона.

Таковыми же по своим тенденциям были выступления Робеспьера по вопросам о так называемом гражданском устройстве духовенства, где он предлагал провести выборность всего без исключения духовенства и требовал значительного понижения окладов жалования высших его представителей, о вознаграждении министров, свободе печати и т. д. При обсуждении новой муниципальной организации Парижа Робеспьер протестовал против враждебного отношения Национального Собрания к политической деятельности парижских дистриктов и требовал для создаваемых взамен их 48 парижских секций права свободы собраний для выражения своих политических мнений. Эти же соображения заставляли Робеспьера требовать предоставления права обращаться с петициями к Национальному Собранию всем гражданам, а не одним только активным. «Чем более человек слаб и несчастен, — говорил он в своей речи по этому поводу, — тем более нуждается он в праве петиций. А вы хотите отнять это право именно у тех, кто слаб и несчастен».

Убежденным сторонником демократических принципов Робеспьер выступил и по внешней политике. Во время развернувшихся в Национальном Собрании в мае 1790 г. прений о праве объявления войны и заключения мира он требовал передачи этого права из рук короля в руки народных пред-

ставителей. Когда же вскоре после этого население когда-то уступленного Францией римскому папе города Авиньона и близлежащего округа высказало пожелание о своем присоединении к Франции, Робеспьер выступил в качестве главного защитника этого присоединения. Самым резким образом протестуя против нерешительности большинства Учредительного Собрания, боявшегося разрыва с папой, Робеспьер во имя права национальностей на самоопределение требовал удовлетворения просьбы авиньонцев и заслужил со стороны этих последних особую благодарность, выраженную в письме к нему со стороны местного муниципалитета. Однако ни в то время, в ноябре 1790 г., ни во время вторичных прений по тому же вопросу в апреле-мае 1791 г., Робеспьеру не удалось настоять на своем, и только позднее, после неслыханной резни, Авиньон и окружающие местности (так называемый Comtat-Venaissin) были присоединены к Франции.

Очень характерная позиция занята была Робеспьером при обсуждении в Учредительном Собрании вопроса о праве наследования. Если во всех своих, ранее отмеченных, выступлениях он неизменно действовал как сторонник политического равенства для всей демократии, то в данном случае он предстал перед депутатами как типичный представитель мелкой буржуазии, более всего страдающей от образования крупных капиталов, как защитник равенства мелкопоместного благополучия, идеологом, наиболее полно выражающим интересы среднего крестьянства. «Законодатели, — восклицал Робеспьер, — вы ничего не сделаете для свободы, если ваши законы не будут содействовать тому, чтобы мягкими, но вполне действительными средствами уменьшить крайнее неравенство в распределении богатств». Для осуществления этой цели он предлагал значительно ограничить права завещателей и вместе с тем принудить их поровну делить наследство между наследниками по закону. Нет надобности говорить, что это предложение было Национальным Собранием отвергнуто, как идущее вразрез с интересами крупной буржуазии, заинтересованной в росте своих капиталов.

Робеспьер не ограничивался одним теоретическим провозглашением демократических истин. Энергично борясь как мы видели выше, за политические интересы городской демократии, особенно отстаивая всеобщее избирательное право и демократическую организацию местного самоупра-

кния, Робеспьер вместе с тем был чуть ли не единственным в Учредительном Собрании защитником интересов мелкого крестьянства. Законы Конституанты, которые в нарушение обещаний 4 августа клонились к тому, чтобы сделать отмену феодальных прав более выгодной для помещиков, чем для крестьян, встретили в его лице самого упорного противника. Когда же эти законы вызвали в некоторых местностях Франции новые крестьянские восстания и в Учредительное Собрание был внесен проект декрета о распространении на деревню принятого осенью 1789 г. закона об осадном положении, Робеспьер выступил с самой беспощадной критикой этого проекта. «Несколько законов об осадном положении в течение одной только сессии, — заявил он по этому поводу, — не слишком ли это много для представителей народа и восстановителей свободы?». Но и на этот раз голос Робеспьера не был услышан большинством Учредительного Собрания, и проект был принят с некоторыми небольшими изменениями.

Нам уже приходилось указывать, что французское крестьянство XVIII века страдало не только от малоземелья и феодальных прав, но и от захвата помещиками общинных земель. Захваты эти стали особенно многочисленными после 1669 г., когда королевским ордонансом помещикам было предоставлено так называемое право триажа или троения, т.е. захвата третьей части общинных земель. Даже Учредительное Собрание, при всей своей умеренности, сочло себя вынужденным отменить право триажа. Но, отменяя его на будущее время, Конституанта признала законными все захваты, произведенные помещиками до дня издания декрета. Робеспьер потребовал возвращения крестьянам всех земель, захваченных помещиками в течение последних 40 лет, но это предложение было отвергнуто.

Не менее характерным было выступление Робеспьера по поводу вопроса о праве охоты. Как известно, до революции право это входило в число сеньеральных прав помещиков. Учредительное Собрание, отменив сеньеральные права, передало право охоты собственнику земли. Такому решению Учредительного Собрания, выгодному лишь для кулаков, Робеспьер противопоставил предложение объявить право охоты свободным для всех желающих, при условии охраны целостности посевов. И это предложение аррасского депутата в За-

щиту интересов мелкого крестьянства было, как и следовало ожидать, отвергнуто. Но популярность Робеспьера, несмотря на эти постоянные неудачи, только возрастала, и уже к середине 1790 г. он делается одним из наиболее популярных в народных массах депутатов.

Защищая интересы городской и сельской бедноты, Робеспьер не мог обойти молчанием и положения армии, в которой и в эпоху Конституанты целиком сохранилась палочная дисциплина старого режима. Настаивая на возможном улучшении положения солдат и матросов и смягчении налагаемых на них при всяком нарушении дисциплины варварских наказаний, Робеспьер вместе с тем требовал чистки офицерского состава, состоявшего сплошь из выходцев из дворянской среды, сохранивших верность старому режиму. Когда же летом 1790 г. в полку Шатовье, расположенном в Нанси, вспыхнуло восстание, подавленное правительством с большой жестокостью, Робеспьер выступил чуть ли не единственным защитником солдат, доведенных до бунта вопиющими злоупотреблениями офицеров, но и на этот раз Учредительное Собрание не только не прониклось правильностью доводов Робеспьера, но, напротив, приняло постановление, одобрявшее поведение агентов правительства при подавлении восстания.

Круг внимания Робеспьера не ограничивался только интересами населения французских городов и деревень — он смотрел дальше и не забывал также о населении колоний. Не довольствуясь внесенным в Учредительное Собрание предложением о введении некоторого самоуправления для свободного населения колоний, Робеспьер потребовал полной отмены существовавшего во французских колониях рабства. «Произнось в каком-либо из ваших декретов слово «рабство»,—говорил Робеспьер, обращаясь к большинству Национального Собрания,—вы тем самым произносите приговор своему собственному бесчестью». Робеспьер остался в меньшинстве, и рабство во французских колониях было отменено только после революции 1848 года.

Однако, оценивая должным образом самоотверженную и поистине героическую деятельность Робеспьера в Учредительном Собрании, нельзя не отметить и ее слабой стороны. Заключалась она в том, что, будучи уже тогда вполне зрелым в вопросах программы, Робеспьер в эту эпоху еще совершенно

не сознавал всей трудности стоявших перед революцией тактических задач. Робеспьеру, повидимому, представлялось возможным осуществление революции при помощи мирных средств, по преимуществу путем пропаганды. Мы тщетно стали бы искать у него в этот период его жизни зачатков его будущей террористической системы. Эта мирная черта Робеспьера эпохи Учредительного Собрания отразилась на всех его выступлениях по самым различным вопросам. Так, например, будучи в общем и целом убежденным сторонником осуществленного Конституантой так называемого гражданского устройства духовенства, Робеспьер, однако, резко противился предлагаемым некоторыми другими депутатами решительным мероприятиям, направленным против духовенства, и, повидимому, нисколько не предвидел, что это последнее окажется одним из главных оплотов контр-революции. Совершенно упуская политическое значение суда и видя в нем одно только орудие справедливости, Робеспьер в своих выступлениях в Учредительном Собрании требовал единогласия присяжных для произнесения обвинительного приговора. Еще весной 1791 г. Робеспьер был противником преследования эмигрантов и, критикуя проект Учредительного Собрания, требовал отмены смертной казни не только за уголовные, но и за политические преступления. Убеждение — вот единственный способ, которым Робеспьер думал добиться торжества революции. Между тем уже в ту эпоху были люди куда более проникательные, чем Робеспьер. Достаточно упомянуть хотя бы о Марате, со стороны которого выступление Робеспьера против смертной казни вызвало вполне заслуженную отповедь.

Выступления Робеспьера в Национальном Собрании и якобинском клубе, из которого еще весной 1790 г. выделилась его правая часть, образовавшая позднее «клуб 1789 г.», получали восторженный отклик со стороны населения Парижа и провинции и содействовали росту его славы. Доказательством этого может служить хотя бы последовавшее в начале июня 1791 г. избрание Робеспьера обвинителем при парижском уголовном суде. К этому времени деятельность Учредительного Собрания подходила к концу и, так как по гринятому им по предложению Робеспьера декрету, депутаты Конституанты не могли быть переизбраны в новое Законодательное Собрание, то аррасский депутат не мог не обра-

доваться своему избранию и думал посвятить свою дальнейшую жизнь продолжению прерванной им в 1789 г. юридической деятельности. Однако, судьба судила иначе, и уже через несколько дней после избрания Робеспьера происходит событие, которое должно было вывести революцию из того состояния неустойчивого равновесия, в котором она находилась в 1790 и первой половине 1791 г.г. Этим событием было бегство Людовика XVI.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Бегство в Варенн. Конец Учредительного Собрания.

То обстоятельство, что Людовик XVI после 14 июля 1789 г. так легко как будто примирился с существованием и деятельностью Национального Собрания, объясняется не только тем, что в этот день появилась гораздо более грозная для него опасность—опасность народного восстания. Как ни стремилась крупная буржуазия Франции, представленная в Национальном Собрании, к полюбовному соглашению с королевским правительством, такое соглашение вовсе не входило в виды и намерения этого последнего. Для представителей старого режима мирная реформа Учредительного Собрания была столь же малопримемлемая, как и насильственная народная революция, и последовавшая за взятием Бастилии перемена поведения короля была не чем иным, как только переменою тактики. Убедившись в невозможности насильственной внутренней контр-революции, Людовик XVI и его двор возложили все свои упования на иностранную интервенцию. Посредниками между французским двором и иностранными правительствами должны были служить эмигранты.

Эмиграция французского дворянства началась сразу же после восстания 14 июля и затем, то временно ослабевая, то снова усиливаясь, неизменно продолжалась в течение последующих лет. Французские эмигранты, во многих случаях связанные семейными или материальными узами с представителями феодальных классов соседних государств, встречали там, по крайней мере вначале, довольно теплый прием и образовывали иногда довольно крупные колонии, являв

иные естественными центрами подготовки контр-революции. Однако все надежды эмигрантов на то, что им удастся добиться интервенции иностранных держав во французские дела, надежды, которые питались враждой всего феодального мира к французской революции, оказались тем не менее тщетными. Французский двор и связанные с ним тысячами интеллигентней эмигранты не учли глубокой вражды, существовавшей между главнейшими государствами феодальной Европы — Австрией и Пруссией, а при таких условиях совместное выступление обеих держав единым фронтом против революционной Франции оказывалось делом чрезвычайно трудным.

Тщетно прождав в течение всего 1790 и начала 1791 г.г. иностранной интервенции, которую эмигранты обещали им со дня на день, Людовик XVI и окружавшие его лица к середине 1791 г. убедились в необходимости перемены всего своего оперативного плана. Иностранные державы не помогали, приходилось помочь себе самим, а для этого Людовику XVI следовало бежать за границу, и, став там во главе составленного из эмигрантов войска, идти с ним завоевывать революционную Францию. Таковы были причины бегства в Варенн.

Утром 21 июня 1791 г. по Парижу с быстротой молнии распространилось сенсационное известие о том, что минувшей ночью король со всей своей семьей бежал за границу. В то время, как на улицах города собирались громадные толпы народа, с жадностью ловившие последние известия, и начиналось волнение, лишь немного уступавшее по своим размерам достопамятному дню 14 июля, в 9 час. утра открылось заседание Учредительного Собрания, которому не оставалось ничего иного, как провозгласить о переходе исполнительной власти в его руки. Но, решаясь в силу необходимости на столь энергичный поступок, Национальное Собрание меньше всего стремилось к полному разрыву с бежавшим королем. Вот почему, невзирая на то, что Людовик XVI оставил письмо, в котором объяснял свое бегство, Конституанта обьявила, что король похищен врагами государства, что вызвало, само собой разумеется, достойную отповедь со стороны Робеспьера и др. левых членов Собрания. А вечером того же дня Робеспьер выступил в якобинском клубе с пространной речью, в которой резко критиковал только что принятое Учредительным Собранием решение об оставлении

правительственной власти в руках королевских министров и предостерегал против иностранного нашествия в случае, если Людовику XVI удастся добраться до границы.

К счастью, опасения Робеспьера не оправдались. Как известно, королевская семья была арестована в местечке Варенн, уже недалеко от границы, и известие об этом, полученное в Париже днем 22 июня, положило предел царившему в столице волнению. Угроза справа была ликвидирована, и перед Национальным Собранием вставала задача как-нибудь снова наладить столь желанные для крупной буржуазии дружественные отношения с короной, нарушенные бегством Людовика XVI. С этой целью Учредительное Собрание воспользовалось своим первым постановлением о похищении королевской семьи, и в своем заседании 15 июля признало возвращенного в Париж короля невинным, постановив лишь предать суду окружавших его лиц, виновных в этом похищении.

Поведение Собрания вызвало жестокую критику Робеспьера. «Одно из двух,—говорил он,—либо король невинен тогда у него не может быть сообщников, и постановления о предании их суду является глубоко несправедливым. Либо король виновен — но в таком случае отвечать должны не только его сообщники, но и он сам». И в качестве вывода из этих посылок, Робеспьер, не соглашаясь в этом пункте с некоторыми из своих товарищей по левому крылу Собрания требовавших немедленного суда над королем, предлагал обратиться к народу для окончательного решения этим последним вопроса о дальнейшей судьбе Людовика XVI.

Но на этот раз Робеспьер разошелся со многими своими товарищами не только по вопросу о судьбе Людовика XVI. Мы видели выше, что Робеспьер, последовательный и прямолинейный демократ в вопросах принципиального характера в вопросах тактики нередко оказывался далеко не на высоте положения, и как раз такой случай имел место в июне—июле 1791 г. Бегство Людовика XVI и последовавшее за ним позорно-соглашательское поведение большинства Национального Собрания толкнуло многих представителей революционной мелкой буржуазии в сторону республиканизма, Робеспьер же все еще оставался монархистом. По мнению Робеспьера, высказанному им в речи в якобинском клубе, республикой является всякая форма государственной власти, гаран-

пирующая свободу граждан, и с этой точки зрения существовавшая во Франции организация власти его вполне удовлетворяла, являясь, по его мнению, республикой с королем. Подвинутое против меня в Национальном Собрании обвинение в республиканизме,—говорил Робеспьер в якобинском клубе,—делает мне слишком много чести—я не республиканец. Но если бы меня обвинили в монархизме, это было бы также неправильным—я и не монархист». Обращая все свое внимание на отвлеченный принцип свободы, Робеспьер совершенно не учитывал такого практически первостепенного момента, как того, в чьих руках сосредоточена вся полнота реальной государственной власти. Все происходившее до того момента перипетии революции его ничему не научили, и только события следующего года заставили, наконец, Робеспьера пойти по пути своих более дальновидных товарищей и стать твердой ногой на почву республиканских убеждений. Таким образом, в вопросах тактики (ибо для него вопрос о формах государственного строя являлся именно таковым), Робеспьер и на этот раз остался позади многих других представителей мелко-буржуазной демократии.

Относительно умеренная позиция, занятая в эти дни Робеспьером, выявилась, кроме его речи о монархии и республике, и в его поведении в дни, последовавшие за известным постановлением Учредительного Собрания от 15 июля. Постановление это вызвало в парижском населении взрыв сильнейшего возмущения, и во многих местах началась агитация за обращение к Национальному Собранию с петицией о низложении короля. Проект такой петиции рассматривался и в якобинском клубе, но Робеспьер, предвидя, что этот шаг может послужить лишь на пользу правительству, стремившемуся спровоцировать народное восстание и утопить его в крови, высказался против петиции и добился отклонения якобинским клубом всякого участия в ее составлении. Как известно, опасения Робеспьера оказались на этот раз более чем основательными, и составление петиции о низложении короля закончилось кровавой бойней 17 июля на Марсовом Поле, героями которой были вожди буржуазного Парижа — марш Балли и командир национальной гвардии Лафайет. На этот раз Робеспьер оказался хорошим стратегом — парижская мелкая буржуазия, лишенная поддержки рабочего класса, условия существования которого в этот момент были отно-

сительно сносными, совершенно не была подготовлена к бок и ее выступление неизбежно должно было окончиться разгромом.

Этими же самыми соображениями руководился Робеспьер и в дни, непосредственно следовавшие за выступлением 17 июля. Бешеная реакция, бывшая результатом этого дня и выразившаяся в целом ряде преследований со стороны правительства и Национального Собрания против всех действительно революционных лиц и обществ, заставляла беспокоиться и о судьбе якобинского клуба. И вот Робеспьер вносит и проводит через клуб обращение от имени последнего к Учредительному Собранию, в котором доказывается законность и лояльность поведения клуба в течение последнего времени. Благодаря этому шагу, существование клуба было спасено.

Но, если ради спасения якобинского клуба, в котором он видел одну из опор революции, Робеспьер готов был идти на шаги, весьма близко граничащие с оппортунизмом, то во внутренних делах клуба его поведение было совершенно иным. После июльских дней в среде якобинцев происходит новый раскол, в результате которого образуется новый клуб «фельянов». И вот в то время, как часть оставшихся в среде якобинского клуба членов предлагает примирительную политику по отношению к фельянам и даже настаивает на слиянии с ними, Робеспьер требует и добивается полного разрыва с фельянами, мотивированного в составленном им особом адресе по этому вопросу. Одновременно с этим Робеспьер выпускает пространное обращение к французскому народу, детально объясняющее его поведение в Учредительном Собрании и якобинском клубе. Обращение это имело большой успех и значительно содействовало возрастанию и без того колоссальной популярности аррасского депутата.

Между тем работа Учредительного Собрания подходила к концу. Отдельные положения конституции были уже давно установлены, и теперь, в начале августа 1791 г., Конституанта приступила к их сведению в одно целое, известное в истории под наименованием конституции 1791 года. Робеспьер воспользовался этим моментом для того, чтобы снова поднять вопрос о всеобщем избирательном праве.

Еще за несколько месяцев до того, в апреле 1791 г., Робеспьер выпустил брошюру, специально посвященную этому

вопросу и получившую необычайное распространение среди всех подлинно-революционных элементов Франции. Разделение граждан на активных и пассивных,—говорил в этой брошюре Робеспьер,—противоречит не только естественному праву, но и принятой Национальным Собранием декларации прав человека и гражданина. Как можно говорить о том, что законы суть выражение общей воли, когда большинство граждан не принимает никакого участия в их составлении? Учредительное Собрание оказалось реакционнее правительства старого режима, ибо избирательное право при выборах в Генеральные Штаты было куда более широким, чем на основании новой конституции.

Теперь же, в августе 1791 г., он снова пользуется случаем для защиты принципа всеобщего избирательного права. Но и на этот раз, как и прежде, голос его не был услышан реакционным большинством Национального Собрания, и принятые этим последним незначительные поправки к избирательному закону оставляли в полной силе цензовое начало. Столь же малыми результатами окончились выступления Робеспьера против новых поправок к прежним законам, значительно суживавшим свободу печати и союзов, а также и установленное ранее начало самоуправления колоний. Последние дни деятельности Учредительного Собрания прошли под знаком бешеной реакции, когда даже его собственные, принятые ранее, декреты стали казаться ему чересчур революционными. Все выступления Робеспьера были неизменно безуспешны, и их единственным результатом была к моменту закрытия Конституанты его необычайно широкая популярность в народе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Законодательное Собрание. Вопрос о войне.

Законодательное Собрание (Легислатива) открылось 1 октября 1791 года. Правую часть его составляли сторонники умеренной конституционной монархии в фельянтинском духе, левую же часть зала заседаний Собрания занимали так называемые жирондисты. Названные так по своим лидерам, большинство которых были депутатами от департамента Жиронды, жирондисты являлись представителями инте-

ресов торговой и отчасти промышленной буржуазии юга Франции. К этому времени, когда процесс политической дифференциации еще не особенно далеко зашел, жирондисты по своим воззрениям лишь очень незначительно отличались от крайних левых сторонников Робеспьера, и большинство из лидеров не только входили в якобинский клуб, но и занимали там весьма выдающееся место. Расхождение между жирондистами и теми, кого здесь стали называть монаньярами или якобинцами, началось лишь позднее, уже во время деятельности Легислативы. Что же касается крайних левых то, вследствие цензового характера выборов, они были в Законодательном Собрании очень немногочисленны и составляли лишь незначительное меньшинство.

Мы видели выше, что несмотря на все старания эмигрантов, еще летом 1791 г. возможность иностранной интервенции казалась исключенной. Но когда конституция 1791 г. была утверждена королем и стала действующим законом формально закрепившим за французской буржуазией завоевания революции, то неистовый шум, поднятый за границей вокруг этого события, должен был неизбежно создать во Франции впечатление готовой с минуты на минуту разразиться катастрофы. На самом деле ни Австрия, ни Пруссия, ни другие европейские державы не были еще готовы к нападению на Францию и только вели между собой предварительные и мало обязывающие переговоры. Но эмигранты стремясь запугать французскую буржуазию, держались так как будто выступление их иностранных союзников было делом ближайших дней, и это не могло не оказать влияния на настроение внутри самой Франции.

Благодаря этому, уже с первых дней существования Законодательного Собрания, основными и наиболее важными вопросами порядка дня становятся вопросы о подготовке к войне, казавшейся неизбежной, и о борьбе с внутренними контр-революционными элементами. Мероприятия в этом направлении были совершенно необходимы для спасения неисчислимых завоеваний буржуазии, и потому не приходится удивляться, что Законодательное Собрание, несмотря на всю свою умеренность, не медлит принять чрезвычайно энергичных мер. Наиболее важными из них были законы против эмигрантов и неприсяжных священников, т. е. священников, отказывавшихся давать предписанную положением

гражданском устройстве духовенства присягу на верность конституции, но Людовик XVI воспользовался своим правом это и отказал обоим декретам в утверждении. Зато в другом отношении король не только согласился с Законодательным собранием, но и пошел навстречу. Было решено ультимативно потребовать от соседних с Францией мелких германских государств ликвидации образовавшихся там эмигрантских центров. Само собой разумеется, что это было прямым шагом по пути к войне.

Поведение Людовика XVI было вполне последовательным. Против своей воли примирившись с революцией и лишь в силу необходимости согласившись на принятие конституции, король и его приближенные не теряли надежды на возможность наступления события, которое развязало бы им руки и дало бы возможность восстановить погрязшие основы старого режима. Война казалась именно таким событием — в случае победы она усилила бы правительственную власть, в случае же поражения реакция была бы принесена на иностранных штыках. Как в том, так и в другом случае Людовик XVI мог только выиграть.

Не менее, чем реакционеры, но по совершенно иным основаниям стремились к войне и жирондисты. Для представляемой ими крупной торгово-промышленной буржуазии победоносная война сулила приобретение новых рынков, а в области внутренней политики война, по мнению жирондистов, должна была содействовать закреплению завоеваний революции. Совершенно не верившие, в противоположность фельянам, в искренность Людовика XVI и стремившиеся к дальнейшему углублению революции, жирондисты, как истинные представители интересов крупной буржуазии, боялись вместе с тем всякого выступления народных низов и хотели углубить революцию *исключительно только руками буржуазии*. Война, — говорили жирондисты, — неизбежно выявит предательство Людовика XVI и в силу этого заставит буржуазию пойти по пути революции дальше, чем она шла до сих пор. Таким образом, жирондистам казалось, что война может заменить и сделать ненужным народное восстание, и в силу этого они являлись ее ярыми сторонниками. Вот почему уже к ноябрю 1791 г. война делается господствующим лозунгом страны, и вооруженное выступление Франции против ее восточных соседей становится только вопросом дней.

Что же делал в это время Робеспьер? Лишенный возможности вследствие принятого Конституантой по его же собственному предложению декрета быть избранным депутатом Легислативы и свободный от своих обязанностей обвинитель при парижском уголовном суде, который открылся лишь в апреле 1792 года, Робеспьер 13 октября 1791 г. отправился на некоторое время на родину. В Аррасе он был встречен с необычайным энтузиазмом и пробыл там шесть недель. Вернувшись в Париж лишь 28 ноября, он в тот же день выступил в якобинском клубе с речью по вопросу о войне.

Во время своего полуторамесячного пребывания вдалеке от столицы Робеспьер, естественно, был не вполне в курсе происходивших там событий. Вернувшись в Париж, он, видимо, не сразу разобрался в развернувшихся в это время сложных обстоятельствах, и первая произнесенная им по возвращении речь отражала господствовавшее в якобинском клубе воинственное настроение. Но уже очень скоро его точка зрения решительно изменилась, и произнесенная им в том же якобинском клубе 11 декабря длинная речь была уже направлена против войны. Объявление войны, утверждал он, приведет к значительному усилению правительственной власти, которая сможет быть использована против революции. Главная опасность грозит революции не извне, а изнутри, — вот основное положение речи Робеспьера от 11 декабря, а ровно через неделю, 18 декабря, он высказывается еще яснее: «покончим сначала с нашими внутренними врагами и лишь потом обратимся против внешних».

Признавая необходимость оборонительной войны в случае, если она будет навязана Франции, Робеспьер решительно высказывался против войны наступательной. Франция, — говорил он, — совершенно не готова к войне, ибо ее правительство ровно ничего не сделало для усиления ее боеспособности. Но даже если бы ей и удалось победить, то эта победа оказалась бы чреватой для свободы самыми губительными последствиями, так как передала бы всю фактическую власть в руки армии. Уже одно то, что правительство так хочет войны, не может не вызвать самого серьезного опасения, а потому, заканчивал Робеспьер, необходима сугубая бдительность и осторожность.

Выступления Робеспьера встретили, как и следовало ожидать, самый решительный отпор со стороны жирондистов, при

ием его указаниям на необходимость осторожности и бдительности жирондисты противопоставляли довод об освободительном характере войны. Война революционной Франции против правительств старого режима неизбежно, — говорили жирондисты, — встретит самую сильную поддержку среди подданных этих государств и тем самым превратится в *войну народов против тиранов*. А при такой революционной войне никакая измена правительства неопасна — война все равно окончится торжеством революционной Франции. «Пусть правительство изменяет, — говорили жирондисты устами своего лидера Бриссо, — остается еще народ».

Ответ на эти утверждения жирондистов был дан Робеспьером в новой речи о войне, произнесенной им в якобинском клубе 2 января 1792 г. Важнейшим моментом этой речи была критика лозунга революционной войны.

«Даже самое плохое правительство, — говорил Робеспьер, — находит себе мощную опору в предрассудках, привычках и воспитании народа. Деспотизм до такой степени развращает людской разум, что люди начинают любить рабство и боятся первого проблеска свободы. Самая нелепая идея, которая может родиться в голове политического деятеля, это то, что можно вооруженной силой заставить народ принять конституцию и законы другого народа. Никто не любит вооруженных миссионеров, и природа и осторожность предписывают встречать их как врагов».

В дальнейшей части своей речи Робеспьер повторял выказанный им уже ранее аргумент о том, что наступательная война пойдет только на пользу врагам революции, и снова призывал к осторожности и бдительности. Таково же было содержание и его следующей речи о войне, от 11 января, главной мыслью которой являлось утверждение, что «война послужит для исполнительной власти лишь средством ниспровержения конституции». «Поэтому, — продолжал Робеспьер, — я не только не верю в возможность достижения всеобщей свободы, но и опасаясь за судьбу нашей собственной. Лучшее из всего, что мы можем сделать, — это защищать ее от коварства наших внутренних врагов».

Выступления Робеспьера против войны получили широчайшую огласку и произвели громадную сенсацию. Если до его приезда большинство якобинского клуба склонялось, под влиянием жирондистской агитации, на сторону войны, то

проповедь Робеспьера сразу же поколебала прочный дотоле авторитет жирондистских членов клуба. Жирондисты подняли по этому поводу страшный шум, и именно с этого момента начинается расхождение между ними и примкнувшими к Робеспьеру Дантоном, Камиллом Демуленом, Бильо-Варенном и другими будущими монтаньярами.

Прямым продолжением выступлений Робеспьера против войны была его речь от 10 февраля, в которой он указывал на те меры, которые считал необходимыми для спасения Франции в случае иностранного нападения. Важнейшими из них являлись усиление боеспособности страны, чистка офицерского состава, более бдительное отношение к действиям администрации и т. д. Наряду с этим Робеспьер рекомендовал борьбу с уже начинавшей чувствоваться дороговизной, возникшей в результате выпуска бумажных денег, а также удовлетворение интересов крестьянства и лучшую постановку дела народного образования.

Широкая программа реформ, намеченная Робеспьером в его речи 10 февраля, составляла как бы непосредственное продолжение его анти-военных выступлений, ибо на место военной программы жирондистов Робеспьер выдвигал проект совершенно иного пути для закрепления революции. Но проект этот предусматривал обращение к народным массам (не случайно в той же речи 10 февраля Робеспьер требовал предоставления полной свободы собраний парижским секциям), т.-е. как раз то, что меньше всего улыбалось жирондистам. Вот почему, несмотря на то, что многочисленные выступления Робеспьера доставляли ему все новых и новых приверженцев, жирондисты оставались непоколебимыми. Поскольку же король хотел войны не меньше жирондистов, соглашение между ним и этими последними логически вытекало из сути вещей. В двадцатых числах марта на место старого фельянского министерства было назначено новое, жирондистское, а еще через месяц Франция объявила Австрии войну. Таким образом и на этот раз Робеспьер и его единомышленники потерпели поражение, но, как и во всех предыдущих случаях, поражение не только не заставило его сойти со сцены, но, напротив того, придало его деятельности новую силу и энергию.

Признав начавшуюся войну как совершившийся факт, Робеспьер сделал из этого факта выводы, которые должны были

весьма мало понравиться жирондистам.—«Как для ведения внешней войны, так и для наблюдения за действиями деспотизма внутри страны, необходимо, чтобы отныне весь французский народ поднялся и поголовно вооружился». Таким образом в то самое время, когда жирондисты затевали войну для того, чтобы избежать обращения к народным массам, Робеспьер как раз видел в начавшейся войне повод для такого обращения. Это должно было окончательно взбесить жирондистов, и они начинают против Робеспьера в недрах якобинского клуба и в своих многочисленных газетах и журналах неслыханную кампанию лжи и клеветы, пользуясь при этом самыми нелепыми поводами для обвинения против своего противника. Достаточно, например, сказать, что отказ Робеспьера незадолго перед тем от должности обвинителя при парижском суде, к которому он был вынужден в виду сложности обязанностей обвинителя, не оставивших ему времени для политической деятельности, был истолкован жирондистами как акт, совершенный Робеспьером якобы по просьбе двора, которым он был подкуплен.

Что касается якобинского клуба, то там кампания жирондистов потерпела полную неудачу. Несмотря на все старания Бриссо, Гюаде и других вождей жирондистской партии, якобинский клуб в вынесенной им после нескольких речей Робеспьера резолюции не только одобрил поведение последнего, но и обвинил жирондистов в клевете. Но значительно труднее было Робеспьеру бороться с поднятой против него газетной кампанией, так как все виднейшие органы прессы находились в то время в жирондистских руках. Оставляя первоначально без внимания все многочисленные нападки жирондистов, Робеспьер считал себя вынужденным отвечать лишь тогда, когда кампания против него приняла совершенно неслыханные размеры и выразилась в ряде гнусных инсинуаций чисто личного характера, и в середине мая 1792 г. основал для этой цели свою собственную еженедельную газету под названием: «Защитник Конституции».

Впрочем, «Защитник Конституции» интересен для нас не столько своей полемикой с жирондистами, сколько тем, что уже в его первых номерах нашли яркое выражение политические и социальные взгляды Робеспьера этого периода его жизни. Так, уже в проспекте, предшествовавшем изданию газеты и вышедшем еще в апреле 1792 г., Робеспьер снова

ограничивается на интересовавшем его еще во времена Конституанты вопросе о республике и монархии и снова решает его в пользу последней. Но если раньше мы могли только догадываться о причинах такого предпочтения, то теперь Робеспьер сам дает нам ключ к пониманию этого обстоятельства.

«Я предпочитаю,—утверждает он,—видеть демократическое народное представительство и свободных граждан при наличии короля, чем рабский и приниженный народ, управляемый аристократическим сенатом и диктатором... Разве разрешение великой социальной проблемы заключается в словах «республика» или «монархия»? Счастье и несчастье народов определяется не названиями, придуманными дипломатами для классификации различных форм государственного устройства, а совокупностью законов и учреждений».

Таким образом, Робеспьер был против республики потому, что опасался превращения ее в олигархию, и нужно признать, что законодательство Учредительного Собрания давало все поводы для таких опасений. Напротив того, монархия с ее надклассовой вывеской прельщала Робеспьера своей мнимой демократичностью, и потребовался сравнительно продолжительный срок для того, чтобы он мог осознать свою ошибку и понять, что монархия, обладая всеми недостатками буржуазной республики, имеет, кроме того, и ряд своих специфических неудобств. Но это произошло лишь полтодом позднее, а в это время, весной 1792 г., Робеспьер все еще оставался убежденным монархистом.

Что касается до социальных взглядов Робеспьера в этот период его жизни, то они выражены в № 4 «Защитника Конституции», в статье, направленной против всех врагов революции вообще и жирондистов в частности. «Не они ли старались,—говорит в этой статье Робеспьер, имея в виду контрреволюционеров всех мастей,—уже с самого начала революции запугать всех богатых призраком аграрного закона, этого нелепого пугала, при помощи которого подлецы пугают дураков? Чем больше жизнь разрушала это нелепое утверждение, тем больше старались они поддерживать его, точно защитники свободы являются сумасшедшими, способными создать проект, настолько же опасный, сколько несправедливый и неисполнимый. Равенство имуществ по своему существу невозможно в гражданском обществе, ибо предпо-

лагает общность (*la communauté*), которая в настоящее время является еще более химерической. Этот нелепый проект противоречит интересам всех до единого людей, обладающих каким бы то ни было источником дохода. Мы хотим равенства прав, ибо без него не может быть ни свободы, ни общественного благополучия. Что же касается равенства имуществ, то поскольку общество выполняет свой долг обеспечения своим членам необходимого минимума и дает им возможность жить своим трудом, защитникам свободы нет надобности стремиться к таковому. Аристид не позавидовал бы богатствам Красса. Для чистых и возвышенных душ есть блага, куда более драгоценные».

Но если Робеспьер, как подлинный представитель мелкой буржуазии, уже в этот период убежденный защитник принципа частной собственности и если интересы его класса в этом отношении совпадали с интересами крупной буржуазии, защищаемыми партией жирондистов, то в вопросах тактики Робеспьер уже весной 1792 г. становится на путь пропаганды союза мелкой буржуазии с пролетариатом и беднейшим крестьянством.

Поскольку мелкая буржуазия, по своей классовой сущности занимающая промежуточное положение между крупной буржуазией и пролетариатом, в данный исторический момент стояла лицом к лицу с угрозой буржуазной реакции, в то время как опасность слева представлялась еще очень призрачной,—такой союз являлся вполне естественным и целиком отвечал актуальным интересам мелкой буржуазии.

3 марта 1792 г. в городе Этампе был убит мэр этого города Симоно, пытавшийся вооруженной рукой усмирить начавшиеся там голодные беспорядки. В ответ на это убийство на жителей Этампа посыпались со стороны правительства такие жестокие репрессии, что обыватели соседних с Этампом местностей оказались вынужденными обратиться в Законодательное Собрание с петицией о помощи. Составление этого воззвания было поручено священнику местечка Мошан Пьеру Доливье, в будущем одному из виднейших представителей «бешеных», стойкому защитнику городской и сельской бедноты. Доливье воспользовался случаем для составления петиции, требовавшей национализации земли. Как и следовало ожидать, петиция эта вызвала в Законодательном Собрании бурю негодования, что не помешало однако Робеспьеру це-

ликом поместить ее в том же самом четвертом номере «Защитника Конституции», в котором он так решительно высказывался в защиту принципа частной собственности. Таким образом, идея союза с «бешеными» зародилась у Робеспьера еще в начале его борьбы с жирондистами, и его будущее поведение в этом направлении составляло лишь продолжение линии, намеченной уже весной 1792 года.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Падение монархии.

Робеспьер еще до начала войны указывал, что поскольку война будет войной правительственной, а не народной, и поскольку во главе армии будут стоять лица, подобные Лафайету, главному виновнику бойни 17 июля 1791 г., она неминуемо окончится поражением. Ход событий подтвердил правильность этих соображений с быстротой, которую вряд ли ожидал и сам Робеспьер. 1 мая в Париже было получено известие о позорном бегстве французской армии при первом же столкновении с противником, и в последующие дни и недели на фронте не произошло ни одного события, хоть мало-мальски оправдывающего оптимистические ожидания жирондистов. И, вот, в то время как Робеспьер, продолжая свою прежнюю линию поведения, реагирует на известия о поражениях требованием чистки генералитета и офицерства и превращения войны правительственной в войну народную, жирондисты возлагают все свои надежды на меры чисто дисциплинарного характера, направленные не против командного состава, а против солдат. И лишь явная неудача этих мер и усиление опасности заставляет их после долгих колебаний встать на предлагаемый Робеспьером путь. 8 июня 1792 г. Законодательное Собрание принимает постановление о создании под Парижем лагеря из двадцати тысяч набранных по всей стране добровольцев.

Результатом этой меры был правительственный кризис. Мы видели выше, что создание жирондистского министерства было следствием временного совпадения интересов королевской власти и жирондистской партии. Но если жирондисты хотели войны для победы, то Людовик XVI, как мы

знаем, мечтал лишь о полном поражении, и первое же ~~море~~ ~~приятие~~ жирондистов, направленное к усилению ~~бюрократиче~~ ~~ности~~ страны, должно было разорвать их противобестелестный союз с королевской властью. Декрет о двадцати тысячах был вотирован 8 июня, а 13-го жирондистское правительство получило отставку и было заменено фельятинским.

Насильственная отставка министерства и отказ Людовика XVI утвердить как декрет о лагере под Парижем, так и принятый одновременно с этим карательный закон против не-присяжных священников вызвали крайнее возмущение жирондистов. Возмущение это еще усилилось, когда 18 июня сделалось известным дерзкое письмо, полученное Законодательным Собранием от Лафайета, который, явно становясь на сторону двора, требовал борьбы с народными обществами и тем вполне оправдывал давно уже пред'явленное ему Робеспьером обвинение в контр-революции. И вот, несмотря на свой панический страх перед народными массами, лицом к лицу с угрозой королевской контр-революции, и не видя другого исхода, жирондисты на этот раз набираются смелости и решаются вынести вопрос на улицу. Но настоящее народное восстание кажется им все же чересчур опасным, и они предпочитают мирную манифестацию. Организовать манифестацию, не грозившую закончиться настоящим восстанием, но все же достаточно внушительную, чтобы запугать короля и заставить его призвать обратно только-что уволенных жирондистских министров,—такова была задача, стоявшая в эти дни перед жирондистской партией. Положение в Париже благоприятствовало ее выполнению.

Восстановившееся в конце 1789 г. и в 1790 г., экономическое положение Франции, повлекшее за собой временный отход от революции малосознательных крестьян, а также и городских рабочих и ремесленников, теперь, к началу 1792 г., снова подверглось значительному ухудшению. Вследствие этого снова усилилось недовольство народных низов, и это недовольство было использовано жирондистами.

Причины экономического кризиса 1792 г. довольно многообразны. С одной стороны, большую роль сыграл плохой урожай 1791 г., вызвавший значительное поднятие хлебных цен и приведший во многих частях Франции к голодным бунтам и требованиям таксации, т.-е. твердых цен, которые вводились правительством в голодные годы и в дореволюционное

времени и представляли таким образом привычную для населения форму правительственного вмешательства в таких случаях. С другой стороны, немалое значение имела, конечно, и начавшаяся война, а также восстание негров во французских колониях, вызвавшее резкое поднятие цен на колониальные продукты, в особенности на сахар.

Но не менее важным было влияние падения ценности бумажных денег, явившегося следствием финансовой реформы Учредительного Собрания. Мы знаем, что именно острый финансовый кризис привел к созыву Генеральных Штатов, а Учредительное Собрание, не находя иного выхода из положения, декретировало выпуск ассигнаций, обеспеченных доходом от продажи так называемых национальных имуществ, в состав которых, главным образом, входили конфискованные церковные земли. Но, так как земли эти продавались чрезвычайно медленно, то ценность ассигнаций уже очень скоро после их выпуска стала падать, содействуя росту дороговизны.

В результате резкого ухудшения экономического положения, летом 1792 г. во Франции царило такое же возбуждение, какое было летом 1789 г., и это, конечно, значительно облегчало задачу жирондистских агитаторов, стремившихся вызвать противоправительственную манифестацию. Как известно, задача эта была выполнена, и 20 июня 1792 г. в Париже произошла мирная манифестация, во время которой народные толпы даже вторглись в королевский дворец, не причинив, впрочем, ни малейшего вреда ни самому Людовику XVI, ни его окружающим.

Подготовка выступления 20 июня была проведена жирондистами совершенно самостоятельно, не только без помощи монтаньяров, но и при их прямом противодействии. Особенно противился манифестации Робеспьер, указывавший на крайнюю опасность такого *частичного* выступления. Робеспьер настаивал, что или не нужно выступать совсем, или же следует выступать с более широким лозунгом, чем одно требование возвращения уволенных министров. Выступление жирондистов,—продолжал далее Робеспьер свое рассуждение,—вызывается лишь эгоистической жадью возвращения потерянной ими власти и не только не даст никаких полезных результатов, но и приведет к реакции и усилению положения контр-революционного правительства.

Предсказания Робеспьера блестяще оправдались. Манифестация 20 июня не только не вынудила Людовика XVI пойти на соглашение с жирондистами, но, напротив того, заставила его обратиться к неприятельским монархам с просьбой об ускорении своего наступления на Париж. На-ряду с этим, манифестация 20 июня, не давшая никаких непосредственных результатов, но продемонстрировавшая тем не менее революционные силы страны, вызвала образование единого контр-революционного фронта от сторонников старого режима до фельянтинцев включительно. Как бы символизируя это объединение всех контр-революционеров, ген. Лафайет, командовавший в это время одной из армий на фронте и без разрешения начальства покинувший свои войска, через неделю после манифестации явился неожиданно в Париж и потребовал от Законодательного Собрания примерного наказания виновников 20 июня.

При таком положении вещей внутри страны и при все усиливавшейся угрозе быстрого движения неприятеля на Париж; спасение революции требовало быстрых и решительных шагов, на которые меньше всего были способны жирондисты, одинаково боявшиеся как контр-революции, так и насильственного переворота, решающую роль в котором должны были играть низшие классы. Они, правда, добиваются декрета Легислативы об объявлении отечества в опасности, требуют преследования Лафайета и даже вызывают в Париж национальных гвардейцев из провинции, так называемых федератов, но когда из этих предварительных мер требуется сделать окончательные выводы, жирондисты останавливаются на полпути. Революция 10 августа 1792 г. была делом рук не жирондистов, а монтаньяров, и в подготовке этой революции Робеспьер играл далеко не последнюю роль.

Не решаясь все еще, правда, высказаться за провозглашение республики, которая, по его мнению, должна была выродиться в олигархию, Робеспьер уже в № 8 «Защитника Конституции», вышедшем вскоре после приезда Лафайета, не только требует предания суду контрреволюционного генерала, но и намекает на необходимость низложения Людовика XVI. Те же самые мысли были высказаны Робеспьером в прочитанном 17 июля обращении к Законодательному Собранию от имени федератов, составленном им по просьбе этих последних, и в других его выступлениях этой эпохи. А знаменитый

манифест герцога Брауншвейгского, полный угроз по адресу республике и революционному Парижу, рассеял последние сомнения Робеспьера. На следующий день после того, как манифест стал известен в Париже, 29 июля, Робеспьер произносит в якобинском клубе речь, в которой требует низложения Людовика XVI и созыва избранного на основе всеобщего избирательного права Национального Конвента, долженствующего решить дальнейшую судьбу Франции. Таким образом, Робеспьер как бы предугадывал мероприятия, которые Законодательное Собрание оказалось вынужденным принять в результате переворота 10 августа, и вместе с тем идейно подготовлял самый переворот. Непосредственного участия в перевороте Робеспьер, повидимому, не принимал. Впрочем, как известно, переворот был делом парижских секций и марсельских федератов, и лишь очень немногие из среды монтаньяров принимали в нем какое-либо участие.

Революция 10 августа была совершена под руководством партии монтаньяров столичной народной массой, состоявшей из мелкой буржуазии и пролетариата, среди которых были и федераты из провинции. Но крупная буржуазия, представленная партией жирондистов, которая до самого последнего момента не решалась на вооруженное выступление против правительства Людовика XVI, уже после того, как это выступление стало совершившимся фактом, выдвинулась на первый план и поспешила воспользоваться плодами завоеванной чужими руками победы. Хотя Законодательному Собранию под давлением масс и пришлось декретировать созыв Национального Конвента, избранного на основе *всеобщего* избирательного права, но вплоть до открытия Конвента вся полнота государственной власти оставалась в руках крупной буржуазии. Законодательная власть сохранялась за Легислативой, из которой после 10 августа устранилось все ее правое крыло, вследствие чего Собрание оказалось почти сплошь жирондистским; власть же исполнительная после отречения Людовика XVI была передана так называемому Временному Исполнительному Комитету, составленному, если не считать министра юстиции Дантона, из одних только жирондистов. А между тем положение Франции, особенно после взятия противником Лонги и Вердена и измены Лафайета, становилось с каждым днем все более критическим и требовало принятия самых энергичных мер, на которые жирондисты были

менее всего способны. Вот почему монтаньяры **уми** в самый день переворота оказались вынужденными **со**здать революционным путем на-ряду с «Законодательными» правительственными органами, очутившимися в руках жирондистов, и свой собственный. Этим органом были знаменитая Парижская Коммуна 10 августа, составленная из выбранных 48 секциями Парижа делегатов. И если революционной Франции удалось благополучно выйти из того неимоверно тяжелого положения, в котором она находилась в августе-сентябре 1792 г., то это, как известно, прежде всего заслуга Коммуны, а не правительства и Законодательного Собрания, которые всячески саботировали деятельность Коммуны и даже добивались ее роспуска.

Робеспьер с самого же начала принял участие в работе Коммуны. Избранный туда 11 августа от секции Вандомской площади, он довольно аккуратно посещал ее заседания и даже несколько раз выступал от имени Коммуны перед Законодательным Собранием. Когда же в конце августа начались выборы в Национальный Конвент, то Робеспьер принял в них самое видное участие и оказался первым депутатом, избранным в Конвент от населения столицы. Через несколько дней был избран и его младший брат Августин.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Первые месяцы Конвента. Процесс Людовика XVI.

Национальный Конвент открылся 20 сентября 1792 года. Большинство его составляли жирондисты, монтаньярские же депутаты были избраны лишь в немногих крупных городах страны во главе с Парижем. На-ряду с этими двумя крайними флангами, был еще весьма многочисленный центр, довольно бесформенный и получивший презрительные названия «равнины» или «болота».

Такой состав Конвента объясняется, главным образом, естественным соотношением общественных сил в тогдашней Франции. Монтаньяры получали перевес лишь в больших городах, где голосовавшие за них мелкая буржуазия и пролетарские элементы составляли значительную часть населения

и терпели поражение в сельских округах, где вследствие многостепенной системы выборов голоса крестьянских выборщиков распылялись среди буржуазной части избирательных собраний. Кроме того, жирондистское правительство воспользовалось своей властью для давления на избирателей, и деятельность министра внутренних дел Ролана оказала далеко не маловажное влияние на исход выборов. Если же еще принять во внимание, что бесцветное «болото» голосовало в Конвенте в большинстве случаев с жирондистами, то победу этих последних на выборах можно счесть полной и решительной. Но это еще далеко не означало их победы вообще.

Национальный Конвент заседал в Париже, где после 10 августа монтаньяры господствовали вполне и безраздельно. Вследствие этого жирондистское большинство Конвента оказывалось в таком же монтаньярском окружении, в каком непосредственно перед этим находилось и жирондистское большинство Легислативы. Отсюда вытекала бешеная ненависть жирондистов к Парижу и к Парижской делегации в Конвенте, представленной, главным образом, Горой. А так как во главе парижской делегации стоял Робеспьер, избранный первым депутатом от столицы, ненависть жирондистов к Парижу должна была принять внешнее выражение в борьбе с Робеспьером. И действительно, все первое время существования Конвента заполнено беспощадной травлей Максимилиана со стороны правого большинства Собрания.

Впрочем, первый акт Конвента по его открытии демонстрировал не столько расхождение между жирондистами и монтаньярами, сколько их единомыслие. Принятое по предложению Дантона в первом же заседании постановление о неприкосновенности частной собственности ясно показало, что, несмотря на всю враждебность обоих флангов нового Национального Собрания, основной задачей их обоих была консолидация основ нового буржуазного общества. Но согласие это оказалось чрезвычайно непродолжительным, и уже через несколько дней, 24 сентября, жирондисты внесли в Конвент предложение, с полной откровенностью разоблачавшее их контр-революционные намерения. Речь шла об образовании для защиты Конвента особой стражи, для которой солдаты должны были быть набраны от всех департаментов Франции, с явной целью сделать эту департаментскую стражу *независимой от Парижа и подчиненной жирон-*

дистам — для защиты Конвента от воздействия парижского населения. Таким образом, жирондисты имели в виду выставить против парижской мелкой буржуазии покорное крупной буржуазии войско, набранное из более отсталых районов страны. Но *внешняя* форма предложения жирондистов — противопоставление столицы провинциальным департаментам давала монтаньярам весьма удобный повод для обвинения своих врагов в федерализме, т.-е. в стремлении к разделению страны. Это обвинение, выставленное Робеспьером в заседании якобинского клуба 15 октября 1792 г., в дальнейшем сделалось основным лозунгом монтаньяров и в их борьбе с жирондистами.

Впрочем, жирондисты вовсе не ожидали этого выступления Робеспьера для нападения на парижскую делегацию и в особенности на ее главу. Жирондисты, со своей стороны, уже в заседании Конвента от 25 сентября выставили против Робеспьера обвинение в стремлении к диктатуре, и в дальнейшем обвинение это неоднократно повторялось в выступлениях жирондистских депутатов и в многочисленных статьях жирондистских газет и памфлетов и даже воспроизводилось в официальных документах, исходивших от жирондистских членов Временного Исполнительного Комитета. Так, например, в своем докладе Конвенту 29 октября министр внутренних дел Ролан обвинял Робеспьера в подготовке нового переворота, а несколько позднее тот же Ролан воспользовался государственными фондами для напечатания и рассылки в провинцию жирондистских памфлетов против Робеспьера.

Ввиду такого широкого организованного наступления Робеспьеру не оставалось ничего другого, как перейти в контр-атаку против жирондистов. Таковы его блестящие выступления от 28 октября — в якобинском клубе — и 5 ноября — в Конвенте, — которые уничтожили всякую тень жирондистских обвинений. Основанная им вместо «Защитника Конституции» новая газета под названием «Письма Робеспьера к его избирателям» сослужила немалую службу для этой борьбы с жирондистами. Якобинский клуб огромным большинством встал на сторону Робеспьера, и один из виднейших вождей жирондистов — Бриссо был уже в начале октября исключен из членов клуба. А когда некоторые провинциальные клубы под влиянием жирондистской агитации высказались, было, против Робеспьера, якобинский клуб постановил

обратиться к ним с воззванием, разъясняющим истинное положение дел.

Таким образом, борьба между жирондистами и монтаньярами уже в октябре 1792 г. приняла чрезвычайно острые формы. К концу ноября произошли события, которые должны были еще больше усилить ожесточение с обеих сторон. Уже летом 1792 г. рост цен на предметы первой необходимости вызвал сильное движение народных низов за установление твердых цен. В течение осени дороговизна все росла и неизбежно должна была содействовать усилению этого движения. Особенно ярко проявилась борьба за таксацию в Париже, где многочисленное рабочее население очень страдало от дороговизны и безработицы, этих последствий войны и общего экономического расстройтва. 29 ноября 1792 г. в Конвент явилась депутация от Коммуны, требовавшая установления твердых цен. Последовавшее обсуждение продовольственного вопроса в Национальном Собрании явилось новым этапом по пути к окончательному разрыву между жирондистами и монтаньярами.

Жирондисты, как представители торгово-буржуазии, наживавшейся на поднятии хлебных цен, категорически высказались за сохранение свободы хлебной торговли. Что же касается до монтаньяров, то они, как представители мелкой буржуазии, мало заинтересованной в том или ином решении вопроса, не имели по этому поводу единого взгляда, и их голоса разделились. В то время, как Сен-Жюст в своей речи от 29 ноября высказывался против таксации, выступивший 2 декабря Робеспьер занял несколько иную позицию. Верный уже ранее выдвинутому им лозунгу союза мелкой буржуазии с рабочими массами крупных городов, Робеспьер выступил на этот раз в качестве защитника интересов этих последних, и не высказываясь, впрочем, прямо за таксацию, требовал принятия мер против спекуляции предметами первой необходимости. Таким образом в продовольственном вопросе Робеспьер занял позицию, враждебную жирондистам, и, хотя на этот раз их точка зрения и восторжествовала, но озлобление против Робеспьера в значительной степени возросло.

Такую же враждебную жирондистам позицию занял Робеспьер и во время процесса Людовика XVI. Как известно, жирондисты, боясь дальнейшего углубления революции, были по существу против суда над бывшим королем, и лишь страх

перед парижскими народными массами, требовавшими этого суда, заставил их против воли пойти на уступки. Но, согласившись на предание Людовика XVI суду, жирондисты пытались путем всевозможных уловок добиться его оправдания, при чем главным доводом с их стороны было указание на то, что существовавшая во время совершения Людовиком XVI приписываемых ему преступлений конституция 1791 г. устанавливала полную безответственность монарха. Ответ на эти доводы жирондистов был дан Робеспьером в его речи от 3 декабря 1792 года.

Людовика XVI следует не судить, — заявил Робеспьер в своей речи от этого числа, — а просто приговорить к смерти в законодательном порядке. «Здесь незачем возбуждать процесса. Людовик не обвиняемый, вы не судьи, вы — государственные деятели, представители нации, и не можете быть ничем иным. Вам предстоит не произнести приговор за или против известного лица, а принять меру общественного спасения, сыграть роль национального провидения... Пресловутый вопрос, занимающий вас, решается в нескольких словах. Людовик лишен престола за свои преступления, он объявил мятежным французский народ и в наказание призвал против него своих собратьев-тиранов. Победа и народ решили, что мятежником был он один. Следовательно, Людовик не может быть судим: он уже осужден; он осужден — или республика не оправдана. Привлекать к суду Людовика XVI, в какой бы то ни было форме, это значит возвращаться вспять к монархическому и конституционному деспотизму: это идея контр-революционная, так как ставит под сомнение самую революцию. В самом деле, если Людовик может быть предан суду, то он может быть и оправдан; он может оказаться невинным; даже больше — он предполагается невинным до окончания суда. Но если Людовик может предполагаться невинным, во что превращается тогда революция? Не есть ли она в таком случае нечто неопределенное и сомнительное? Если Людовик невинен, то все борцы за свободу превращаются в клеветников, а мятежники — становятся друзьями свободы и защитниками угнетенной невинности; тогда все манифесты иностранных дворов являются законными протестами против господствующей клики, тогда и заключение, в котором до настоящего времени содержался Людовик, есть несправедливое притеснение; тогда федераты, парижский народ, словом

все патриоты Франции, оказываются виновными; тогда, наконец, великий процесс, который разбирается перед трибуналом нации, процесс между преступлением и добродетелью, между свободой и тиранией, — решается в пользу тирании и преступления».

Переходя затем к вопросу о наказании, Робеспьер высказывался за то, что Людовик XVI должен быть приговорен к смерти.

«...Я питаю отвращение к смертной казни, так щедро расточаемой нашими законами; у меня нет ни любви, ни ненависти лично к Людовику, я ненавижу лишь его злодеяния. Я требовал отмены смертной казни еще в Учредительном Собрании: и не моя вина, если элементарные принципы разума показались ему моральной и политической ересью. Но вы, которым никогда не приходило в голову сослаться на эти принципы в защиту несчастных, приговоренных к смерти скорее по вине правительства, чем по своей собственной, — какой злой рок толкает вас вспоминать о них только теперь, в интересах величайшего из преступников? Вы требуете исключения из закона о смертной казни именно для того, кто один лишь и может оправдать этот закон!

Общественная безопасность никогда не требует смертной казни за обыкновенные преступления, ибо общество всегда может другим путем поставить виновного в невозможность вредить ему. Но когда речь идет о короле, сброшенном с трона ураганом революции, которая далеко еще не упрочена справедливыми законами; о короле, одно имя которого навлекает бич войны на восставшую нацию, тогда ни тюрьма, ни изгнание не могут обезвредить его. И это жестокое исключение из обычных законов, которое допускается справедливостью, обуславливается самой природой его преступлений. С прискорбием высказываю роковую истину: пусть лучше погибнет Людовик, чем сто тысяч добродетельных граждан; Людовик должен умереть, потому что родина должна жить!»

Однако, как известно, точка зрения Робеспьера не нашла сочувствия не только у жирондистов, но и среди значительной части монтаньяров, и Конвент постановил судить Людовика XVI с соблюдением всех процессуальных формальностей. Суд этот занял свыше полутора месяцев — с начала декабря 1792 г. до 21 января 1793 г., когда Людовик был казнен. Такое замедление вызвало острое недовольство со сто-

роны парижского населения, и Робеспьер счел себя **паву** жденным уже в своей речи от 7 декабря в якобинском клубе предостеречь народ от всяких необдуманных выступлений, так как таковые могли пойти на пользу одним только жирондистам, старавшимся восстановить провинцию против Парижа. Когда же стало ясным, что Конвент громадным большинством голосов — запуганные манифестациями парижского населения жирондисты не решались открыто высказаться за оправдание бывшего короля — признает Людовика XVI виновным во всех пред'явленных ему обвинениях, и жирондисты, для спасения короля, выдвинули лозунг апелляции к народу, Робеспьер в своей речи от 28 декабря не преминул разоблачить тайные цели жирондистского предложения.

«...Неужели вы не видите, что единственная цель этого проекта — уничтожение конституции; что, созвав первичные собрания, интриганы и фельяны заставят их обсуждать все предложения, выгодные для их предательских целей; что они поставят под сомнение все, вплоть до учреждения республики, которое тесно связано с вопросами, касающимися низложенного короля?.. Неужели вы не видите... что такая масса собраний не может высказаться совершенно одинаково и что одно уже это разногласие в момент приближения неприятеля представляет величайшую опасность? Итак, бич войны с иностранными державами усилятся бешеным вихрем гражданской войны; и в результате честолюбивые интриганы будут заключать сделки с врагами народа на развалинах отечества, на окровавленных трупах его защитников!»

Жирондистам, как известно, не удалось осуществить их намерения—манифестации парижского населения заставили их уступить не только по этому пункту, но и по всем остальным. Признанный виновным, Людовик XVI был приговорен к смертной казни и казнен 21 января 1793 г. Его смерть означала не только торжество республики, но и крутое поражение жирондистов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Весна 1793 г. Гибель Жиронды.

Осуждение и казнь Людовика XVI были первым осязательным поражением жирондистов. Вслед за ним последовало

и другое 21 января, т.-е. в самый день казни Людовика, Национальный Конвент вынес по предложению Робеспьера постановление, упразднявшее созданное Роланом бюро пропаганды и требовавшее от министра внутренних дел отчета о его действиях. В результате этого постановления Ролан на следующий же день подал в отставку, и его портфель был вручен министру юстиции Гара.

В конце января 1793 г. конвентское «болото» под влиянием парижского населения начало все чаще склоняться на сторону монтаньяров, вследствие чего создавалось левое большинство, и могло показаться, что окончательное поражение жирондистов не за горами. Но вскоре произошли события, на некоторое время оттолкнувшие вправо не только вечно колеблющийся центр, но и самых монтаньяров.

В. И. Ленин, анализируя в одной из своих статей классовую борьбу во время революции 1848 г., со свойственной ему проницательностью отмечает, что «в обществе ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, особенно при неизбежном обострении этой борьбы революцией, не может быть «средней линии». А вся суть классовой позиции и стремлений мелкой буржуазии состоит в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному, т.-е. как раз к такой средней линии». Эта характеристика поведения мелкой буржуазии в 1848 г. целиком применима и в отношении Великой Французской Революции. Поставленная между крупной буржуазией и пролетариатом, мелкая буржуазия неизбежно должна была колебаться между ними и становиться на ту сторону, откуда грозила меньшая опасность.

Весной 1792 г. монтаньярская партия в лице Робеспьера выдвинула лозунг союза мелкой буржуазии с пролетариатом и малоимущим крестьянством против жирондистов, т.-е. крупной буржуазии. Союз этот был по существу противоестественным: классовые интересы мелкой буржуазии гораздо больше совпадали с интересами буржуазии крупной, чем с интересами пролетариата. Но поскольку пролетариат того времени не обладал ни классовым самосознанием, ни классовыми организациями, опасность его самостоятельного выступления была весьма невелика, и идея использования пролетариата для совместной борьбы против крупной буржуазии должна была представляться для мелкой буржуазии чрезвычайно привлекательной. Даже наиболее отчетливая программа социальных

низов того времени—петиция Доливе представляла собой чисто теоретическое построение, вовсе не рассчитанное на немедленное практическое применение, и Робеспьер имел основания не бояться поместить эту петицию в своем «Защитнике Конституции». Правда, в момент открытия Конвента монтаньяры как бы слились с жирондистами в едином порыве ради освящения принципа неприкосновенности частной собственности. Но следует иметь в виду, что постановление это было делом рук правого крыла монтаньяров, руководимого Дантоном. Что же касается Робеспьера, то он считал декрет о неприкосновенности частной собственности совершенно излишним, так как был уверен, что «наиболее храбрые защитники свободы — не сумасшедшие и никогда не проповедывали аграрного закона».

Таким образом, еще осенью 1792 г. Робеспьер совершенно не допускал возможности опасности слева и все указания на наличие такой опасности он выдавал за измышления жирондистов, пытавшихся этим способом напугать собственные элементы революционной партии. Однако на этот раз жирондисты оказались более проницательными, чем их противники, и уже ранней весной 1793 года Робеспьер мог убедиться в своей ошибке.

Принятым в начале декабря 1792 года, по требованию жирондистов, декретом Конвент не только утверждал свободу хлебной торговли, но и грозил смертью за всякое посягательство против нее. Этот декрет вызвал страшное озлобление среди голодавшей столичной бедноты, и уже с начала февраля 1793 года в Париже развивается широкое народное движение, требующее самого энергичного вмешательства правительства в дело снабжения населения продовольствием. Во главе движения становится группа лиц, в большинстве из интеллигентов и священников, известных под данным им жирондистами презрительно-насмешливым прозвищем «бешеных», и с этого времени движение получает свою идеологию и некоторую организацию, весьма, впрочем, слабую, сохранив по преимуществу до самого конца стихийный характер.

Основным положением «бешеных», наиболее ярко выраженным у Жака Ру, было утверждение, что народу нужна не политическая революция, а улучшение его экономического положения. Отсюда, естественно, вытекало одинаково отри-

нательное отношение как к жирондистам, так и к монтаньярам, и действительно, явившаяся 12 февраля с требованием таксации в Конвент депутация пред'явила свои обвинения обоим флангам Национального Собрания. А во время происшедших в Париже 24 — 25 февраля голодных беспорядков магазины монтаньярских владельцев были так же разгромлены, как и магазины купцов-жирондистов. В своей ненависти ко всем собственническим элементам, парижский рабочий класс не проводил никакой разграничительной линии между крупной и мелкой буржуазией.

Февральские события вызвали среди монтаньяров взрыв возмущения. Петиция 12 февраля была встречена монтаньярской частью Конвента отнюдь не менее враждебно, чем жирондистской, а в изданном после беспорядков 24 — 25 февраля и принадлежавшем перу Робеспьера обращении якобинского клуба к его провинциальным отделениям все движение этих дней объяснялось контр-революционной провокацией. А сам Робеспьер, не решаясь, правда, окончательно порвать со своей старой тактикой и прямо осудить все народное движение, объявлял его результатом заблуждения, так как «народ должен восстать не для того, чтобы получить сахару, а чтобы уничтожить негодяев».

Внутренне противоречивая тактика монтаньяров сказала здесь во всей своей яркости. Использовать экономическое недовольство народных масс для политической борьбы со своими противниками — вот в чем заключалась цель монтаньяров как в 1792, так и в 1793 г.г. Поскольку же это оказывалось невозможным и пролетариат выставлял *свои собственные цели*, отнюдь не совпадавшие с целями мелкой буржуазии, союз между ними подлежал расторжению, и против пролетариата должен был образоваться единый буржуазный фронт, фактически и осуществленный в феврале 1793 года.

Февраль 1793 г. казался поворотным моментом в истории революции по пути к реакции. Но этого не случилось; причиной тому были крупнейшие события, происшедшие в первых числах марта, т.-е. уже через неделю после февральских беспорядков.

В августе 1792 г., революционная Франция терпела, как мы видели, на фронте тяжелые поражения; со дня на день, казалось, можно было ожидать захвата Парижа неприятельскими войсками. Но затем, в сентябре—октябре, в результате

огромного напряжения сил и еще больше вследствие слабости союзников, раздираемых внутренними дразгами, французская армия не только разбила неприятеля, но и перешла в наступление, закончившееся оккупацией Бельгии, принадлежавшей в то время Австрии. Но успехи добровольческой армии, плохо обученной и снабженной, с мало подготовленным командным составом, не могли, конечно, быть прочными, и в первых числах марта 1793 г. французы были вынуждены покинуть захваченную неприятельскую территорию. Кроме того, к этому времени к числу прежних врагов Франции присоединились еще Англия и Испания, и внутри самой страны назревало контр-революционное восстание в Вандее. Спасение республики требовало принятия самых героических мер, на которые были меньше всего способны жирондисты, все еще, несмотря на свои поражения, остававшиеся руководящей партией Конвента.

Известия о неудачах в Бельгии были получены в Париже в первых числах марта, и вслед за этим парижские секции выставляют требование принятия ряда мер, направленных к укреплению положения, как то: усиление власти Конвента, образование армии на основе принудительного набора, создание чрезвычайного судилища по делам о контр-революции, принудительный заем у богатых и т. п. Все эти меры были безусловно необходимы для спасения республики, но жирондисты, оставаясь верными себе, сразу же высказались против большинства этих мероприятий. Что же касается монтаньяров, то они, искренно желая торжества революции и вполне сознавая правильность пожелания парижского населения, оказывались вследствие поведения жирондистов поставленными перед чрезвычайно трудной дилеммой — с кем идти? С «бешеными» против жирондистов или с жирондистами против «бешеных»?

Поведение монтаньяров и в частности поведение Робеспьера в течение марта—мая 1793 года и обнаруживают эти колебания. Отнюдь не присоединяясь к «бешеным», уже в первой половине марта пытавшимся организовать восстание против жирондистов, монтаньяры вместе с тем усваивают большую часть их требований и выставляют их от своего имени. Они проводят через Конвент постановление об образовании в его недрах особого Комитета Общественного Спасения, поставленного над правительством и фактически заменяющего его,

и добиваются образования Революционного Трибунала и об'явления принудительного набора в армию. А Робеспьер идет еще дальше и в № 9 своих «Писем к избирателям» требует борьбы со спекуляцией и улучшения положения парижского рабочего населения. Но вместе с тем монтаньяры не прекращают своих нападков на «бешеных» и, опираясь на них для защиты республики, отнюдь не собираются им уступать своей руководящей роли.

Нет надобности говорить, насколько враждебно встретили жирондисты все мартовские мероприятия, монтаньяров и прошедшего за ними конвентовского «болота». Теперь, когда монтаньяры после непродолжительных колебаний опять вернулись к идее союза с «бешеными», жирондисты окончательно и бесповоротно переходят на сторону контр-революции. Внешним проявлением этого была измена в начале апреля близкого к жирондистам генерала Дюмурье, и, если жирондисты первые подняли крик по поводу этой измены, то это нисколько не изменяло сущности их намерений. Вот почему «бешеные» и руководимые ими парижские секции были совершенно правы, когда уже со середины апреля стали требовать изгнания из Конвента виднейших представителей жирондистской партии. Хотя они исходили при этом лишь из узко-классовых интересов парижского и вообще городского пролетариата, так как господство жирондистов в Конвенте было главным препятствием для осуществления таксации, но эти интересы в данном случае вполне совпадали с интересами всей революции. Окончательное поражение жирондистов стало к этому времени предпосылкой торжества революции, и монтаньяры, несмотря на все свое нежелание идти на союз с «бешеными», поддерживали их в момент окончательной схватки с Жирондой.

Впрочем, союз этот осуществился далеко не сразу. Если Робеспьер еще в марте месяце предвидел измену Дюмурье, если он 10 апреля выступил в Конвенте с громовой речью против жирондистов, то это не мешало ему вначале решительно противиться изгнанию из Конвента жирондистских депутатов. «Самой губительной из всех мер было бы посягательство на народное представительство»,—заявил Робеспьер в своей речи от 1 апреля, и это утверждение в течение долгого времени остается лейтмотивом всех его последующих выступлений. Более того, он не только противится изгнанию жирондистов, но и об'являет стремление к таковому результатом сознатель-

ной провокации со стороны контр-революционеров. Союз с «бешеными» претил Робеспьеру даже тогда, когда предательство жирондистов стало для него совершенно ясным. Будь жирондисты мало-мальски уступчивее, монтаньяры, весьма вероятно, столковались бы с ними, и образовали общий анти-пролетарский фронт. Но жирондисты могли похвастаться чем угодно, но только не уступчивостью. На нападение со стороны «бешеных» и монтаньяров, жирондисты ответили переходом в бешеную контр-атаку и добились декрета Конвента о предании суду Революционного Трибунала Марата, одного из виднейших вождей Горы. Это было равносильно объявлению войны не на жизнь, а на смерть. Монтаньярам не оставалось ничего другого, как итти скрепя сердце на союз с «бешеными».

Роль союзного договора сыграла речь Робеспьера о собственности, произнесенная им в заседании Национального Конвента 24 апреля.

«Я предложу сначала,—заявил Робеспьер,—несколько статей, необходимых для того, чтобы дополнить вашу теорию о собственности. Пусть никто не пугается этого слова: подлые души, не почитающие ничего, кроме золота, я отнюдь не хочу касаться ваших сокровищ, как бы ни был нечист источник их происхождения. Вы должны знать, что этот аграрный закон, о котором вы так много говорили, есть не что иное, как призрак, созданный мошенниками для того, чтобы запугивать дураков. Без сомнения, вовсе не нужна была революция для того, чтобы поведать всему миру, что чрезвычайная несоразмерность в распределении богатств является источником многих зол и многих преступлений; но тем не менее это несколько не разубеждает нас в том, что равенство имуществ есть только химера. Что касается меня, то я считаю это для счастья отдельного лица еще менее необходимым, чем для общественного благосостояния. Дело идет гораздо больше о том, чтобы сделать бедность уважаемой, чем об уничтожении богатств. Хижина Фабриция ничем не хуже дворца Красса; что касается лично до меня, то я бы предпочел быть одним из сыновей Аристиды, воспитанным в Притании на средства Республики, чем наследником Ксеркса, который рожден среди распутства двора для того, чтобы занять трон, украшенный на средства развращенного народа и блистающий среди общественной нищеты».

До сих пор мы не имеем ничего, существенно меняющего уже известные нам воззрения Робеспьера на право собственности; более того, многие фразы из речи 24 апреля — почти дословное повторение написанной им за год перед тем статьи по данному вопросу. Но затем картина резко меняется.

Одним из основных положений «бешеных» было, что право собственности должно охраняться лишь до того момента, куда оно не противоречит более важным правам других людей, какими в особенности являются право на жизнь и здоровье. Эту же мысль мы находим и в речи Робеспьера от 24 апреля.

«Установим, однако, по чистой совести, принципы права собственности... Это тем более необходимо, что среди них нет таких, которых бы людские предрассудки и пороки не стремились окружить густым туманом. Спросите у торговца человеческим мясом, что такое собственность. Он скажет вам, указывая на этот длинный гроб, который он называет кораблем, куда он натащил и запер людей, кажущихся живыми: «Вот моя собственность: я их купил по столько-то за голову».

Спросите дворянина, который имел землю и вассалов и который думает, что вселенная перевернулась с того момента, как он перестал их иметь. Он будет развивать вам о собственности идеи почти аналогичные. Спросите августейших членов Капетинской династии... Они скажут вам, что наиболее священным из всех прав собственности является, без сомнения, право наследования, которым они искони пользовались в свое удовольствие для того, чтобы законно, по праву монарха, притеснять, угнетать и давить 25.000.000 людей, населяющих территорию Франции.

В глазах всех этих людей собственность совершенно независима от какого бы то ни было принципа нравственности. Наша Декларация Прав¹⁾ как будто впадает в ту же ошибку, когда она устанавливает понятие свободы, являющееся первичной собственностью человека, священнейшим из получаемых им от природы прав. Мы определили совершенно справедливо, что она имеет своим пределом права других. Почему же вы не приложили этот принцип к понятию собственности,

¹⁾ Речь идет об обсуждавшемся в это время в Конвенте проекте новой Декларации Прав.

являющейся общественным установлением, как будто бы людские отношения более неприкосновенны, чем вечные законы природы? Вы умножили число статей, обеспечивающих широкую свободу в пользовании собственностью, но вы не сказали ни одного слова для установления самой ее природы и законности. Таким образом, ваша Декларация кажется созданной не для всех людей, а только для богатых барышников, спекулянтов и тиранов. Я предлагаю вам исправить эти недостатки, установив следующие положения:

1) Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и располагать по своему усмотрению той частью имущества, которая ему гарантируется законом.

2) Право собственности ограничивается, как и все другие права, обязанностью уважать права других.

3) Оно не должно угрожать безопасности, свободе, существованию и собственности нам подобных.

4) Всякое владение, всякая торговля, нарушающие этот принцип, непозволительны и безнравственны».

Речь Робеспьера от 24 апреля является таким образом решительной попыткой договориться с «бешеными» по наиболее важному для них вопросу — вопросу о праве собственности. Если же принять во внимание, что в дальнейшей части той же речи Робеспьер выдвигал требование введения прогрессивного налога, что также являлось одним из основных лозунгов «бешеных», то общая картина происшедшего в этот момент поворота монтаньярской тактики становится совершенно ясной.

И все же, несмотря на заключение союза с «бешеными», монтаньяры, как истинная партия вечно колеблющейся мелкой буржуазии, все еще продолжали колебаться и не решались использовать этот союз для низвержения жирондистов. Еще 13 мая, когда в Париже уже полуоткрыто действовала близкая к «бешеным» межсекционная организация, ставившая своей целью подготовку противожирондистского переворота, Робеспьер произносит в якобинском клубе речь, в которой предостерегает от этого переворота. Агрессивное поведение жирондистов в течение последующих дней и в особенности действия знаменитой жирондистской комиссии двенадцати заставляют его в конце концов произнести 26 мая в том же клубе речь с призывом к низвержению жирондистов, но и в этот момент он все еще продолжает колебаться и не ре-

шает высказаться за *немедленное* восстание. И только 29 мая, когда стало ясно, что, хотя ли того монтаньяры, или нет, но переворот все равно совершится, колебания Робеспьера приходят к концу, и он определенно высказывается за восстание против жирондистов. Трудно было ярче и выпуклее выразить промежуточную, колеблющуюся сущность мелкой буржуазии...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Начало якобинской диктатуры. Террор.

Переворот 31 мая—2 июня, совершенный парижскими секциями при молчаливом одобрении монтаньяров и приведший к изгнанию из Конвента 22-х жирондистских лидеров, не внес каких-либо существенных изменений в поведение Национального Конвента. Для того, чтобы последствия этого переворота могли сказаться более или менее значительно, союз монтаньяров с «бешеными» должен был быть укреплен и углублен, а этого-то как раз представители Горы больше всего и старались избежать. Изгнанные из Конвента депутаты были подвергнуты домашнему аресту и охранялись столь плохо, что большинству из них удалось преспокойно бежать и скрыться в провинции, где они тотчас же подняли против Конвента знамя восстания. А когда 73 из оставшихся в Конvente их товарищей подписали протест против событий 31 мая—2 июня, то это не было вменено им в вину, и они и после этого без всякой помехи продолжали заседать на своих депутатских скамьях. Более того, монтаньяры не только не думали воспользоваться своей победой 2 июня, но и стремились всячески затушевать ее, и именно с этой целью Конвент тотчас после изгнания жирондистов приступил к обсуждению конституции, принятие которой должно было, по мнению монтаньяров, привести к окончательному успокоению страны.

Прения, имевшие место в Конvente в связи с обсуждением проекта Конституции, необычайно ярко иллюстрируют новый поворот в тактике монтаньяров, происшедший в связи с их победой над жирондистами. Особенно характерно в этом отношении поведение Робеспьера. Мы видели выше, каким образом необходимость пойти навстречу «бешеным» заставила

его произнести речь 24 апреля, являвшуюся крупной уступкой идеологии этих последних. А во внесенном им одновременно с этим в Конвент проекте Декларации прав, право собственности определялось следующим образом:

«Ст. 9. Право собственности — это принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и распоряжаться предоставленной ему законом частью благ.

«Ст. 10. Право собственности ограничивается, как и все остальные права, обязанностью соблюдать права других.

«Ст. 11. Право собственности не должно наносить вреда безопасности, свободе, жизни и собственности ближних.

«Ст. 12. Всякое владение, всякая сделка, нарушающие этот принцип, являются противозаконными и безнравственными».

Но все это было в то время, когда монтаньяры нуждались в помощи «бешеных». Теперь же, когда этой помощи больше уже не требовалось, монтаньяры должны были отказаться от нарушающих их буржуазное правосознание принципов. И, действительно, в окончательном тексте Декларации Прав 1793 года, *принятом без возражений со стороны Робеспьера*, по крайней мере, по данному пункту, право собственности определяется уже совершенно иначе: «ст. 16. Право собственности — это принадлежащее всякому гражданину право пользоваться и располагать по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего промысла». И, далее, в проекте Робеспьера, по ст. 2, «главнейшим правом человека является право заботиться о сохранении своей жизни и свободы», между тем по ст. 2 окончательного текста: «Эти (т.-е. «естественные и неотъемлемые». Я. З.) права суть равенство, свобода, безопасность, собственность».

Но, если молчание Робеспьера во время обсуждения этих статей Декларации представляется как бы безмолвным отказом от его прежних предложений, то по другому пункту его речи 24 апреля — по вопросу о прогрессивном налоге — мы имеем уже отказ вполне явный. В заседании 17 июня Робеспьер произнес речь, в которой утверждал, что существование неподлежащего обложению прожиточного минимума является нарушением принципа равенства.

Принятая Конвентом в июне 1793 г. конституция, несмотря на всю свою демократичность, не могла удовлетворить

«бешеных», стремившихся не к политическому равенству, а к улучшению экономического положения масс. Если же еще принять во внимание, что после изданного еще при жирондистах закона 4 мая, вводившего таксацию для одного только хлеба и притом с высокими ценами, которые мало устраивали голодавших рабочих, монтаньяры решительно ничего не сделали для выполнения данного ими обещания по введению твердых цен, разочарование «бешеных» в своих союзниках было совершенно неизбежным.

25 июня в Конвент явилась депутация от клуба кордельеров и секций Гравилье и Бонн-Нувелль, и глава депутации Жак Ру, один из виднейших лидеров «бешеных», произнес речь, в которой утверждал, что народу нужна не конституция, а улучшение его материального положения. Жак Ру обвинял Гору в недостатке энергии и требовал таксации предметов первой необходимости и беспощадной борьбы со спекулянтами.

Выступление «бешеных» было, как и следовало ожидать, встречено монтаньярами чрезвычайно неприязненно. По предложению Робеспьера Жак Ру был с позором изгнан из Конвента, а когда через несколько дней после этого в Париже произошли новые продовольственные беспорядки, то монтаньяры уже сами перешли в наступление против «бешеных». По требованию якобинского клуба, принятому в заседании 28 июня по предложению Робеспьера, клуб кордельеров исключил Жака Ру из числа своих членов, а Марат выступил против него с целым рядом позорящих обвинений, направленных к подрыву авторитета этого вождя «бешеных».

Таким образом конец июня 1793 г. ознаменовался таким же резким поворотом монтаньяров вправо, какой мы видели в феврале того же года. Но, как и в тот раз, поворот оказался непродолжительным, и причиной тому была, как и прежде, грозная опасность, надвинувшаяся к этому времени на революционную Францию.

В самом деле, положение республики летом 1793 г. было из рук вон плохое. Не говоря уже о поражениях на внешних фронтах, восстание в Вандее, подготавливавшееся еще с весны, после объявления о призыве рекрутов, приняло совершенно открытые формы и очень скоро превратилось в самую ожесточенную гражданскую войну. То была наиболее отсталая экономически область Франции, населенная кулацким кре-

стью, сохранившим и после революции преданность своим помещикам и попам. Восстание в Вандее сразу же приняло открыто монархический характер, и действовавшая там «католическая и королевская армия» сражалась от имени «Людовика XVII» и принцев Бурбонской династии.

Но опасность не ограничивалась неприятельским нашествием и восстанием в Вандее. Бежавшие из Парижа жирондисты подняли во многих частях Франции (в Лионе, Марселе, Тулоне, департаменте Кальвадосе) восстания против Конвента, первоначально выступавшие под знаменем «восстановления поправленного народовластия», но уже очень скоро получившие откровенно монархический характер. А наряду с этим жирондисты не брезгали и индивидуальным террором, и 13 июля от их руки пал столь ненавистный им Марат. Спасение Республики требовало от монтаньяров принятия самых энергичных мер, а это означало, что от врагов слева нужно было снова обратиться к врагам справа. Борьба с «бешеными» должна была быть временно приостановлена и заменена борьбой со все еще сильными — если не в Конвенте, то в стране — жирондистами и стоявшими за ними открыто контрреволюционными силами.

В результате всех этих обстоятельств и сложилась так называемая система террора. Ее важнейшим моментом была отсрочка введения в действие конституции 1793 г. до заключения мира и связанное с этим установление «революционного порядка управления».

Хотя Временный Исполнительный Комитет и был сохранен (упразднение его относится лишь к началу 1794 г.), но над ним были поставлены два комитета — Общественного Спасения и Общей Безопасности. Первый из них, переизбранный в конце июля, когда в него, между прочим, вошел и Робеспьер, являлся, в сущности говоря, высшим правительственным органом страны; функцию Комитета Общей Безопасности составляла борьба с контр-революцией. Такова была организация центральной исполнительной власти, а на местах и в армии органами ее являлись «народные представители в командировке», т. е. депутаты Конвента, снабженные самыми широкими полномочиями и ответственные только перед Национальным Собранием и его обоими Комитетами.

Другим чрезвычайно важным моментом террористической эпохи был закон 29 сентября о максимуме, явившийся не-

обходимой уступкой требованию «бешеных». Наконец, следует отметить закон 17 сентября «о подозрительных» и факт расширения Революционного Трибунала, явившиеся главными предпосылками системы террора в узком смысле этого слова.

Впрочем, следует иметь в виду, что переход монтаньяров к террористической системе, бывший результатом обстоятельств, а вовсе не какой-либо заранее разработанной программы, совершался далеко не планомерно и лишь с очень большими колебаниями.

Особенно характерна позиция Робеспьера, который, призывая к беспощадной борьбе с контр-революцией, вместе с тем продолжал опасаться «бешеных» и не хотел окончательного поражения жирондистов. Явившаяся в начале августа в Конвент с нападка на Жака Ру и Леклера вдова Марата встретила со стороны Робеспьера полную поддержку, а происшедшие в начале сентября новые голодные волнения вызвали его сильнейшее негодование. Высказанная Робеспьером еще 14 июня мысль, что революции следует одинаково опасаться как «крайней подозрительности, так и умеренности» и в дальнейшем оставалась характерной чертой его линии поведения. Именно поэтому он, борясь с восставшими жирондистскими департаментами, вместе с тем спасает в начале октября от гильотины подписавших протест против 31 мая, 73 жирондистских депутатов, которые были ему нужны, как противовес против усиления «бешеных». Вообще следует иметь в виду, что часто встречающееся в литературе мнение о преобладающей роли Робеспьера при установлении террористической системы является во многом ошибочным. Так, принятое по его предложению постановление Конвента от 8 брюмера (30 октября), значительно упрощавшее процессуальные гарантии для подсудимых Революционного Трибунала, являлось гораздо более умеренным, чем другой одновременно внесенный в Конвент проект. А наряду с этим есть и некоторые данные, указывающие на то, что Робеспьер отнюдь не одобрял многих террористических мер, принятых «народными представителями в командировке», напр., Колло д'Эрбуа и Фуше после взятия Лиона.

Наиболее отчетливо выступает позиция, занятая в это время Робеспьером, в его отношении к так называемой «дехристианизации». Совершенно правильно учитывая гро-

мадную роль духовенства, бывшего одной из главных опор контр-революционных восстаний, «бешеные» и близкие к ним крайне-левые элементы монтаньярской партии, требовали беспощадной борьбы не только с попами, но и с самой католической религией. Отсюда и возникло то широкое движение «дехристианизации», т.-е. отказа от христианства, которое широкой волной разлилось по всей Франции и в частности в самом Париже, где оно нашло мощную поддержку со стороны близкой к эбертистам Коммуны. Вот, против этой-то дехристианизации и ополчился Робеспьер.

Верный своей политике умеренности и золотой середины, Робеспьер, как подлинный представитель не только мелко-городского мещанства, но и опутанного сетями католической религии крестьянства, опасался, что борьба против религии может значительно увеличить кадры противников революции. С другой стороны, и это главное, Робеспьер, как последовательный мелкий буржуа, не мог не считать религию очень удобным средством для поддержания права собственности и всей вообще буржуазной государственности. Вот почему Робеспьер в своей речи 1 фримера (21 ноября 1793 г.) в якобинском клубе повторял вслед за Вольтером, что «если бы бога не было, его нужно было бы выдумать», и основываясь на том, что атеизм был в то время распространен исключительно среди высших классов, утверждал, что «атеизм аристократичен, а идея высшего существа, вознаграждающего попранную справедливость и карающего торжествующий порок, является чисто народной».

То, что борьба против дехристианизации вытекала отнюдь не из религиозных взглядов Робеспьера, а диктовалась исключительно его политической тактикой, доказывается еще и тем, что в той же самой речи 1 фримера, в которой он высказывался против атеизма, Робеспьер снова выступил на защиту 73 жирондистских депутатов. Точно так же и в его конвентской речи 15 фримера религиозные доводы перемешивались с чисто политическими.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Раскол в среде монтаньяров. Гибель эбертистов и дантонистов.

Итак, основная линия поведения Робеспьера, с полной определенностью выявившаяся осенью 1793 года, заключалась в лавировании между «бешеными» и все еще сильными остатками жирондистской партии. Уже эта задача представлялась чрезвычайно трудной, но она сделалась совершенно неразрешимой с того момента, когда — в конце 1793 года — обозначился явный раскол в среде самих монтаньяров, и лавировать пришлось уже не только между «бешеными» и жирондистами, но и между левым и правым флангом монтаньярской партии. Причиной этого раскола было происшедшее к этому времени резкое ухудшение в благосостоянии широких народных масс,

Закон о максимуме, принятый Конвентом под давлением парижской бедноты, не улучшил однако ни положения этой последней, ни общего экономического состояния страны. Таксация цен на предметы первой необходимости, не соединенная с национализацией торговли, не дала и не могла дать никаких мало-мальски существенных результатов. Как ни сильно было революционное правительство, но в его распоряжении не было никаких действительных средств заставить торговцев соблюдать закон о максимуме. Не получая продуктов по нормированным ценам, население вынуждено было покупать их из-под полы, переплачивая продавцам большую премию за риск. С другой стороны, правительство, установив цены не только на продукты сельского хозяйства, но и на изделия промышленности, сочло себя вынужденным нормировать и размер заработной платы. Рабочие, не имея возможности приобрести продуктов по «максимальным» ценам, получали заработок, сообразованный не с этими действительными, а с мнимыми «максимальными» ценами. Наконец, нужно иметь в виду и то еще обстоятельство, что правительство, требуя от промышленников продажи их изделий по «максимуму», не могло обеспечить им доставку сырья по этим ценам. Следствием этого

были массовые банкротства и полный упадок промышленности, и без того достаточно подорванной войной и революцией.

Таким образом, экономическая политика монтаньяров не только не улучшила положения пролетариата и полупролетариата, но даже привела к его дальнейшему ухудшению. Ухудшилось также положение и остальных классов.

Так, крестьянство, выигравшее от аграрного законодательства монтаньяров (законами июня — июля 1793 г. крестьянам были возвращены отнятые помещиками общинные угодья и был отменен выкуп за упраздненные феодальные повинности), жестоко страдало от закона о максимуме и связанных с ним реквизиций. Забирая у крестьян хлеб по нормированной цене, правительство вследствие упадка промышленности не могло дать им промышленных изделий по таким же «максимальным» ценам. Таким образом и крестьянство не было удовлетворено экономической политикой монтаньяров. Но всего более была недовольна крупная буржуазия. Страдая от нормировки цен в своих деловых отношениях, так как закон о максимуме затруднял обогащение спекулянтов на чрезвычайно до того выгодных для них поставках на армию, и как потребители, потому что связанный с подпольной торговлей риск вызывал невероятное повышение цен, крупные буржуа должны были, кроме того, терпеть еще от целого ряда других невыгодных для них экономических мероприятий монтаньяров, важнейшим из которых являлся принудительный заем. Наконец, падающие в цене бумажные деньги невероятно затрудняли всякие сделки и вызывали понятное недовольство в среде торгового класса.

Все это в конце 1793 г. приводит к резкому обострению классовых противоречий. В то время как городская беднота, не понимая причин неудачи закона о максимуме, приписывала все свои бедствия его недостаточно энергичному проведению в жизнь и требовала его *усиления*, крупная буржуазия и крестьянство, напротив того, возлагали все свои надежды на его *отмену*. Поскольку же закон о максимуме составлял неотъемлемую часть «террористической системы», вопрос должен был принять форму борьбы за *усиление или ослабление террора*. Именно в этой плоскости он и был поставлен.

Но если ухудшение экономического положения вызвало обострение классовых противоречий между городским пролетариатом и полупролетариатом—с одной, и крупной буржуазией и крестьянством—с другой стороны, то *мелкая буржуазия*, как класс *промежуточный*, неизбежно должна была ощутить эту борьбу, как *внутренний раскол*. Элементы более близкие к крупной буржуазии и крестьянству должны были потянуть в одну сторону, а элементы близкие к пролетариату — в другую. Обострение классовых противоречий *вне* монтаньярской партии должно было *внутри* ее привести к расколу.

И, действительно, уже с осени 1793 г., на-ряду с робеспьеристским центром, выражавшим интересы мелкой буржуазии в подлинном смысле этого слова, в недрах монтаньярской партии выкристаллизовываются правый и левый фланги. Правые монтаньяры, руководимые Дантоном и Камиллом Демуленом (отсюда их название «дантонисты») представляли буржуазно-интеллигентскую часть партии, ближе всего стоявшую к крупной буржуазии; левые («эбертисты»), во главе с Эвером, Шометтом и Анахарвисом Клоотцем, представляли деклассированную интеллигенцию, богему, примыкавшую к пролетариату и усвоившую многие дозунги «бешеных». Борьба за и против террора, разделявшая группы, стоявшие *вне* монтаньяров, была поводом к расколу *внутри* самой этой партии. Тогда как эбертисты требовали усиления и углубления террора, дантонисты, отражая на-строение уставшей от революции буржуазии, наоборот, на-стаивали на постепенной подготовке перехода от революционного порядка управления к нормальному. К декабрю 1793 года борьба между дантонистами и эбертистами разгорелась по всему фронту.

При таких условиях робеспьеровская золотая середина должна была оказаться совершенно неосуществимой, ибо теперь лавировать приходилось уже не только между жирондистами и «бешеными», но и между дантонистами и эбертистами, т.-е. между двумя враждующими течениями внутри собственной партии. Но, совершенно не понимая роковой неизбежности этой борьбы и приписывая ее исключительно столкновению чисто личных моментов и действию враждебных революции иностранных влияний, Робеспьер не только не отказывался от своей задачи примирения обеих

враждующих групп, но и продолжал постоянно настаивать на его необходимости. Именно таково было содержание сделанного им Конвенту доклада от имени Комитета Общественного Спасения 5 нивоза (25 декабря) и проекта доклада по поводу ареста Фабр д'Эглантина.

«Две враждебные коалиции,—говорилось в этом проекте,—уже некоторое время с шумом борются между собой. Одна стремится к умеренности, другая—к контр-революционному, по существу, преувеличению патриотизма... Каждая из них щеголяет самым пламенным патриотизмом, когда дело идет о борьбе со своим противником; но когда нужно защищать интересы родины и справедливости, то они обе выказывают полнейшее безразличие. Обе стремятся к подмене общих интересов Республики своими индивидуальными интересами... Одна хочет воспользоваться своим преобладанием в Национальном Конвенте, другая—своим влиянием на народные общества... Одна хочет взволновать Собрание, другая—поднять народ и результатом этой недопустимой борьбы, если ей только не положить предела, будет противопоставление Конвента народу, которое позволит врагам Республики добиться их злостных целей»...

Эти же мысли были выражены и в докладе Робеспьера Конвенту от имени Комитета Общественного Спасения от 17 плювиоза (5 февраля 1794 г.), в котором он, дословно повторяя многие выражения своего незачитанного доклада о Фабр д'Эглантине, указывал, что «внутренние враги французского народа делятся на две партии. Одна добивается слабости, другая — толкает к эксцессам». Доклад 5 февраля, как и предыдущие, заканчивался требованием энергичной борьбы с обеими враждебными группировками.

В условиях такой ожесточенной классовой борьбы мысль о возможности сохранения революционной властью равновесия между двумя борющимися лагерями являлась чистой утопией. Сам Робеспьер неизбежно должен был незаметно для самого себя примыкать либо к той, либо к другой из враждующих сторон. А к какой именно—это зависело от общей обстановки момента.

Мелкобуржуазные монтаньяры, поставленные между крупной буржуазией и пролетариатом, неизбежно должны были становиться на ту сторону, где опасность представлялась им менее серьезной. Уже дважды — весной и осенью

1793 года — они оказывались вынужденными идти на союз с «бешеными», именно потому, что опасность тогда угрожала со стороны жирондистской контр-революции. Но теперь картина была иная. Уже поздней осенью 1793 г. поражения на внешних фронтах сменились победами, жирондистские восстания были подавлены, и угроза справа казалась в значительной степени ликвидированной. Напротив того в результате обострения экономического положения страны и связанного с этим ухудшения положения масс, угроза со стороны «бешеных» была сильнее, чем когда бы то ни было до того. Вот почему уклон Робеспьера и шедшего за ним монтаньярского центра в сторону правого крыла партии представлялся для данного момента более чем естественным.

Процесс этот, происходивший впрочем чрезвычайно медленно, нашел себе выражение прежде всего в обще-политической линии поведения Робеспьера. Здесь, на-ряду с произведенной монтаньярами реорганизацией Парижской Коммуны (речь об этом будет дальше), следует отметить поддержку Робеспьером некоторых предложений дантонистов, клонившихся к ослаблению террора, и, в частности, произведенное по его настояниям отозвание знаменитого Каррье из Нанта. Кроме того, его дантонистские симпатии сказались на его позиции в якобинском клубе. Борьба между дантонистами и эбертистами проявилась наиболее ярко именно в этом клубе, и Робеспьер, *на словах выступая против этой борьбы, на деле, по большей части, поддерживал дантонистов против эбертистов.* Так, еще осенью 1793 года, во время происходившей чистки якобинского клуба, Робеспьер настоял на исключении из него знаменитого эбертиста Анахарзиса Клоотца, «оратора человеческого рода», и вместе с тем выступил на защиту Дантона и Камилла Демулена. А когда в январе 1794 г. эбертисты перешли в решительное наступление против этого последнего, то Робеспьер не только выступил на его защиту, но и старался свести клуб на обсуждение вопросов внешней политики, дабы избежать этим путем неприятной для него критики поведения дантонистов. Более того, когда в заседании 21 нивоза эбертисты настояли на исключении Камилла Демулена из клуба, Робеспьер воспользовался первым случайным предложением для того, чтобы снова поставить на обсуждение только что

решенный вопрос, и, в конце концов, добился отмены исключения Демуленя.

Почувствовав за собой поддержку монтаньярского центра, Камилл Демулен и его товарищи бросились в самое яростное наступление на эбертистов и поддерживавшую их Парижскую Коммуну. Их выступления приобрели настолько реакционный характер, что вызвали восторг у притаившихся до того контр-революционеров, и Робеспьеру пришлось не раз одергивать своих чересчур зарвавшихся союзников. А эбертистам, увидевшим против себя единый фронт монтаньярской правой и центра, не осталось ничего другого, как вынести решение вопроса на улицу и попытаться вызвать народное восстание. Это они и сделали в первых числах марта 1794 г.

Эбертисты не учли того обстоятельства, что все имевшие место на протяжении революции восстания происходили под лозунгами, привлекавшими симпатии парижской бедноты, этой единственной физической силы революции. Но именно такого лозунга у эбертистов-то и не было. Более того, среди населения Парижа было довольно широко распространено убеждение, что деятельность основанной по требованию эбертистов так называемой революционной армии, производившей вокруг Парижа реквизиции во исполнение закона о максимуме, была одной из причин обострения продовольственного кризиса в столице. Попытка восстания окончилась полной неудачей. Главарь движения были арестованы и преданы суду Революционного Трибунала, который, само собой разумеется, отправил их на эшафот.

Но арест и казнь эбертистов, произведенные монтаньярским центром при деятельной поддержке дантонистов, не только не пошли на пользу этих последних, но, напротив того, оказались причиной их собственной гибели. Арест эбертистов вызвал среди всех скрывавшихся за спиной дантонистов контр-революционеров разных мастей — от жирондистов до монархистов включительно — взрыв восторга и открытый переход в наступление, и монтаньярский центр должен был понять, что дальнейшее продолжение союза с дантонистами означает неминуемую контр-революцию. Это, конечно, меньше всего входило в намерения робеспьеристов, и усиление опасности справа имело своим результатом их новый поворот влево. Уже в заседании Конвента 20 марта Робеспьер

произносит речь, в которой указывает, что торжество умеренных было бы не менее опасно, чем торжество крайних, а на следующий день он в якобинском клубе рисует в самых мрачных красках судьбу, которая ожидает республику в случае победы дантонистов. Эта последняя речь была произнесена в первый день процесса эбертистов (1 жерминаля — 21 марта); когда же через четыре дня после этого казнь сторонников Эбера послужила поводом для самых откровенных проявлений радости всех скрывавшихся в Париже контрреволюционных элементов, судьба дантонистов была predetermined. 11 жерминаля (31 марта) последовал арест Дантона, Демулена и ряда их единомышленников, а 16 жерминаля (5 апреля) они были гильотинированы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

9-е термидора.

16 жерминаля (5 апреля)—9 термидора (27 июля)—таков краткий срок, отделяющий эпоху высшего торжества робеспьеристов от момента их падения. Победа казалась полной и окончательной—после гибели эбертистов и дантонистов на сцене не оставалось ни одного *открытого* противника монтаньярского центра. Однако, менее чем через четыре месяца молниеносно надвигается неожиданная катастрофа. Каковы же причины этого столь непонятного на первый взгляд явления?

Уже к моменту торжества робеспьеристов тот социальный базис, на который опиралась их диктатура, оказался настолько узким, что не мог вынести тяжести возведенной на нем грандиозной постройки. Из всех классов, поддерживавших до этого момента систему якобинского террора, все кроме мелкой буржуазии, постепенно отошли от нее, а мелкая буржуазия одна не была, конечно, в состоянии более или менее продолжительное время противостоять силе объединившихся против нее разнородных общественных сил. Почему же это случилось?

Мы видели выше, что экономическая политика монтаньяров не только не удовлетворила ни одного класса тогдашней Франции, но и вызвала дальнейшее обострение классовых

противоречий. Поскольку же эта политика являлась не чем-то случайным, а естественно вытекала из всех обстоятельств момента и даже послужила необходимым условием для победы Франции над ее внутренними и внешними противниками — положение было абсолютно безвыходным. Политика «максимума», принудительного займа и реквизиций была необходима для торжества революции, и она же, вместе с тем, подрывала ту опору, на которой держалась революционная власть. Таков был заколдованный круг, в котором очутились робеспьеристы. И все же до поры до времени положение не казалось особенно трагическим. Поскольку всем поддерживавшим революцию классам одинаково угрожала опасность внутренней и внешней контр-революции, раз'единявшие их классовые противоречия должны были отойти на задний план перед общей целью спасения революции. Но с того момента, когда весной 1794 г. опасность — как внутренняя, так и внешняя — окончательно миновала, и французская армия решительно и окончательно разбила неприятеля (битва при Флерюсе 8 мессидора) — картина должна была резко измениться. Катастрофа становилась неминуемой.

Взрыв классовых противоречий, не сдерживаемый более общей опасностью, вынуждал монтаньаров, опиравшихся раньше и на буржуазию, и на крестьян, и на рабочих, сделать раз навсегда выбор. Теперь, когда революция была совершена, когда буржуазное государство было достроено, классовые противоречия не могли уже быть затушеваны никакими компромиссами. Надлежало определить, с кем идти дальше — с рабочими против буржуазии и крестьянства или с буржуазией и крестьянами — против рабочих?

Итти с буржуазией означало отказаться от своей экономической политики и стать на путь решительной борьбы с неимущими массами, настаивавшими на дальнейшем углублении революции и требовавшими перехода от равенства политического к равенству экономическому. Для этого пришлось бы отказаться от максимума, от принудительных займов, от борьбы со спекуляцией, от стеснений в праве завещания, направленных к недопущению образования крупных капиталов. Наконец, нужно было до конца разгромить «бешеных» и окончательно отвернуться от союза с городской демократией, т.-е. единственной реальной силой, поддерживавшей до сих пор революцию.

Пойти с рабочими — означало идти по пути усиления и углубления политики «максимума» и реквизиций, по пути беспощадного террора за спекуляцию и подпольную торговлю, по пути борьбы с развитием промышленного капитализма, одним словом по пути Жака Ру, столь ненавистного Робеспьеру и его единомышленникам. Политическая реакция и экономический прогресс за счет свободно и беспощадно эксплуатируемых пролетарских низов или углубление революции и — в виду отсутствия необходимых условий для социалистической организации хозяйства — экономический регресс? Так, и только так, был поставлен вопрос, который монтаньярам надлежало разрешить весной 1794 года.

Но монтаньяры не пошли ни по тому, ни по другому пути, или, вернее, и по тому, и по другому. Принятый Конвентом под давлением Робеспьера закон 22 прерияля, невероятно упрощавший порядок судопроизводства в Революционном Трибунале и бывший как бы последним словом терроризма (закон этот, между прочим, признавал только один вид наказания — смертную казнь), означал новый шаг вперед по пути союза с «бешеными». А произведенная робеспьеристами перед тем полная реорганизация Коммуны и секций, бывших до того главными опорами «бешеных», при чем выборность в них была заменена системой назначения, имела своей задачей подчинение этих органов самоуправления контролю монтаньяров и полное уничтожение главных очагов влияния парижской бедноты. К этой же цели частичного удовлетворения интересов буржуазии было направлено постоянное стремление Робеспьера бороться со злоупотреблениями должностных лиц, превышавших пределы предоставленных им полномочий; этой же цели, наконец, должен был служить и знаменитый культ Верховного Существа.

Уже раньше Робеспьер, считавший веру в личного бога и бессмертие души необходимыми для защиты принципа частной собственности, боролся с «дехристианизаторскими» попытками эбертистов. Теперь, когда эбертисты были побеждены, он мог от простой критики Культа Разума перейти к его ниспровержению. Но традиционная католическая религия оставалась попрежнему неприемлемой, так как ее сторонники, и в особенности служители, попрежнему служили агентами монархической контр-революции. Поэтому Робеспьеру не оставалось ничего иного, как ввести новую деисти-

ческую, но не христианскую религию. Этой цели и удовлетворял культ Верховного Существа, в основу которого был положен принятый Конвентом по докладу Робеспьера декрет 18 флориала (7 мая) о том, что «французский народ признает существование Верховного Существа и бессмертие души».

Таким образом, вместо того, чтобы выбрать какой-либо один путь—с рабочими или с буржуазией—робеспьеристы, в полном соответствии со своей промежуточной классовой сущностью, бессильно колебались между тем и другим, стараясь затушить классовые противоречия под видом единого национального порыва. Для этого нужна была какая-нибудь внушительная общенациональная манифестация. Этой цели послужил праздник 20 прериала (8 июня) в честь Верховного Существа.

Этот праздник, в котором Робеспьер, бывший в это время председателем Конвента и играл, вследствие занимаемой должности, первостепенную роль, был как бы высшим этапом, апофеозом, его личного влияния и значения. Происшедшее незадолго перед тем неудачное покушение на его жизнь значительно содействовало росту его популярности; и в этот день — 20 прериала — сторонним наблюдателям происходившей внушительной церемонии не могло не казаться, что отныне вся революция должна воплотиться в личности Робеспьера. «Праздник Верховного Существа произвел на сторонних наблюдателей неизгладимое впечатление», рассказывает в своих мемуарах известный контр-революционер, эмигрант Малле-дю-Пан, — «все действительно поверили, что Робеспьер засыплет... пропасть революции». Мнение Малле-дю-Пана отнюдь не было исключением. Хорошо известно, что враждебные Франции державы были в этот момент твердо убеждены в необычайной прочности возглавляемого Робеспьером революционного правительства и готовились начать с ним мирные переговоры. А между тем никогда еще робеспьеристы не были так слабы, как именно в этот момент, летом 1794 года.

Была ли термидорианская катастрофа абсолютно неизбежной? Ответить на этот вопрос, как и на все вообще вопросы подобного характера, чрезвычайно трудно. Во всяком случае, если она и могла быть избегнута, то лишь при том непременно условии, чтобы поставленный им историей во-

приос «с кем итти?» монтаньяры разрешили в смысле итти в сторону буржуазии. В самом деле — если благодаря необычайно сильному сопротивлению со стороны внешних и внутренних контр-революционеров, буржуазная по своей сущности революция должна была все время опираться на рабочий класс, то теперь, после поражения контр-революции, этому противоестественному положению должен был быть положен предел. Отныне мелкобуржуазная политика монтаньяров являлась препятствием для развития революции и им было суждено либо добровольно начать делать дело крупной буржуазии, либо быть скинутыми силой.

При создавшемся состоянии неустойчивого равновесия, достаточно было толчка, чтобы неизбежная катастрофа разразилась. Таким толчком послужил раскол в Конвенте и его обоих Комитетах. Некоторое значение имели и моменты личного характера, содействовавшие образованию коалиции против Робеспьера из его личных врагов, как справа — из остатков дантонистов, так и слева — из осколков эбертистов.

Во главе анти-робеспьеристского заговора стали лица, бывшие личными врагами Робеспьера, как напр., Тальен, Фуше, Бурдон из Уазы и др., на которых он неоднократно нападал в Конвенте и в якобинском клубе и которые по его требованию были отозваны из провинции, где они находились в качестве комиссаров Конвента, а также наиболее яркие представители обогатившейся во время революции буржуазии, недовольные политикой Робеспьера. Создавшееся из правых и левых элементов ядро заговора стало быстро расти. Пользуясь всевозможными предложениями для обвинения Робеспьера в стремлении к диктатуре и играя на шкурных инстинктах многих депутатов Конвента, опасавшихся новых проскрипций, заговорщики добились большинства в обоих правительственных комитетах. Что же делал в это время Робеспьер?

Ничего. Ибо решиться на борьбу со своими противниками — это значило вместе с тем выбрать какой-либо один из двух единственно возможных для него путей. А этого-то как раз Робеспьер, оставаясь самим собой, и не мог сделать. До тех пор, покуда союз с той или иной общественной группой носил лишь характер временной коалиции, направленной к осуществлению общих целей, — до тех пор Робеспьер, как мы знаем, хотел и умел маневрировать. Но теперь время

случайных тактических союзов миновало, дело шло о выполнении окончательных, решающих задач революции, и вождь мелкой буржуазии неизбежно должен был остановиться, замереть на полпути. Не зная, что ему делать, не решаясь что-либо предпринять, Робеспьер еще за месяц до 9 термидора перестает принимать активное участие в работах Конвента и Комитета Общественного Спасения. Лишь в первых числах термидора для него становится ясным, что против него готовится заговор, и он решается снова выступить на сцену. 8 термидора (26 июня) он впервые после продолжительного отсутствия появляется в Конвенте и произносит там длинную защитительную речь.

Речь Робеспьера от 8 термидора ярче всего свидетельствует о крайней нерешительности, в которой он находился в эти критические дни. Обрисовав направленные против него интриги заговорщиков и выяснив всю нелепость выдвигаемого против него обвинения в стремлении к захвату власти, Робеспьер, однако, не сделал из своей речи никаких практических выводов и не решился назвать имена руководителей заговора. А это было как раз на-руку этим последним, так как неясность угроз Робеспьера объединяла против него значительное количество депутатов, опасавшихся за свою жизнь, и способствовала созданию против него сильного большинства. Принятое было сперва Конвентом постановление о напечатании и рассылке по коммунах речи Робеспьера было почти тотчас же отменено и заменено решением о передаче этой речи на рассмотрение обоих правительственных комитетов, где заведомо господствовало анти-робеспьеристское настроение.

Вечером того же дня состоялось заседание якобинского клуба, на котором Робеспьер повторил свою конвентскую речь. С самого же начала заседания выяснилось, что симпатии громадного большинства членов клуба целиком на стороне Робеспьера, и немногочисленные присутствовавшие на заседании его противники были встречены чрезвычайно враждебно. Но это отнюдь не привело к большей решительности Робеспьера и его друзей, и в то время как вожди заговора в течение этой ночи лихорадочно готовились к бою, робеспьеристы покорно выжидали событий, ничего не предпринимая.

Заседание Конвента 9 термидора (27 июля) с самого же начала было необычайно бурным. Пытавшемуся произнести

длинную речь в защиту робеспьеристского ядра Сен-Жюсту не дали говорить; столь же безуспешными оказались попытки добиться слова и со стороны самого Робеспьера. Анти-робеспьеристский блок имел явное большинство, и заседание закончилось постановлением об аресте Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона, Леба и Робеспьера младшего (оба последних сами заявили о своем единомыслии с Робеспьером и потребовали своего ареста).

В ответ на постановление Конвента об аресте и предании суду робеспьеристов, Парижская Коммуна, в своем громадном большинстве состоявшая из их единомышленников, назначенных Комитетом Общественного Спасения еще в тот период, когда робеспьеристы были там в большинстве, призвала народ к восстанию и распорядилась об освобождении арестованных депутатов. В ответ на это Конвент объявил вне закона как этих последних, так и Коммуну и всех вообще граждан, вставших на их сторону, и также призвал народ к вооруженному выступлению.

Судьба робеспьеристов должна была решиться на улице, а это заранее обрекало их дело на неудачу. В то время как национальная гвардия буржуазных секций без колебаний стала на сторону Конвента, население предместий, бывшее до сих пор главной опорой революции, не приняло никакого участия в событиях этого дня. Парижское рабочее население, неудовлетворенное политикой робеспьеристов и в особенности озлобленное разгромом «бешеных» и бюрократизацией секций, не могло, конечно, откликнуться на зов робеспьеристской Коммуны, и это должно было решить судьбу этой последней. Дело Робеспьера было безвозвратно проиграно.

В то время, как конвентские войска собирались под командой выделенных Конвентом из своей среды главнокомандующих, Коммуна представляла из себя штаб без армии. Да и в штабе этом царила полная растерянность, а доставленные в здание Коммуны освобожденные из тюрьмы робеспьеристские депутаты своей нерешительностью лишь содействовали увеличению общей суматохи. Сам Робеспьер, до самого конца не желавший идти на открытое сопротивление Конвенту, невзирая на все убеждения представителей Коммуны, отказывался подписать воззвание к народу с призывом к восстанию и стал подписывать его лишь тогда, когда войска Конвента, не встретив никакого сопротивления, всту-

пили уже в здание ратуши. Раненый в челюсть выстрелом одного из вошедших (по другой версии он пытался покончить с собой), Робеспьер был арестован и отвезен в помещение Комитета Общественного Спасения. Робеспьер младший выбросился из окна, но остался жив, а Леба тут же в ратуше застрелился.

Так как все робеспьеристские депутаты были об'явлены вне закона, то надобности в суде над ними не представлялось, и на следующий же день, 10 термидора, оба Робеспьера, Сен-Жюст и Кутон были отправлены на гильотину. Вместе с ними погибли и члены Коммуны, а также все лица, принимавшие участие в попытке восстания. Революция была закончена, и гибель Робеспьера открывала дверь для торжественного шествия буржуазной реакции. Путь к диктатуре крупной буржуазии был свободен.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Идеология Робеспьера. Его личная жизнь.

Основным и исходным пунктом политических воззрений Робеспьера была идея народного суверенитета, с наибольшей яркостью выраженная в ст. XVII предложенного им Национальному Конвенту проекта Декларации Прав: «народ является сувереном; правительство есть дело его рук и зависит от него; все должностные лица являются лишь его уполномоченными». Отсюда, а также из другой основной для Робеспьера идеи равенства («равенство прав установлено природой» — ст. IV проекта Декларации) с неизбежностью вытекал принцип всеобщего избирательного права, и, начиная с момента его вступления на арену политической деятельности, борьба за наиболее полное осуществление этого принципа составляла основную и неизменную задачу Робеспьера. Политический идеал Робеспьера был выработан еще в самом начале его политической деятельности и не подвергался в дальнейшем никаким изменениям.

Иначе обстояло со способами его осуществления. Это относится прежде всего к вопросу о форме государственного строя. В самом деле — мы уже знаем, что в 1789 — 92 г.г. Робеспьер был сторонником монархии, а не республики, которую он представлял себе лишь в виде олигархии. «Для мно-

гих лиц, — говорил Робеспьер в своей речи в якобинском клубе 13 июля 1791 года, — слова «республика» и «монархия» лишены всякого содержания. Слово «республика» не означает никакого особого вида государственного строя, а характеризует всякую форму государственного устройства свободных людей, обладающих отечеством¹⁾. Но свободными можно быть не только при сенате, но и при короле. Что представляет собой современная французская конституция (т.-е. конституция 1791 года), как не республику с монархом? Она — ни монархия, ни республика, а то и другое одновременно».

Затушевывая всякое различие между республикой и монархией, Робеспьер высказывался, в сущности говоря, за сохранение этой последней, что было продиктовано страхом перед олигархической республикой, страхом, который ему внушило поведение Учредительного Собрания. «Еще недостаточно свергнуть иго одного деспота, если суждено сразу же подпасть под иго другого деспотизма», — говорил он в своей речи в Конституанте от 14 июля 1791 г. Но события 1792 г. показали Робеспьеру, что монархия, обладая всеми недостатками республики, имеет еще сверх этого ряд других, присущих ей одной, и уже к концу 1792 г. его взгляды по данному вопросу резко изменяются. А в своей речи от 10 апреля 1793 г. Робеспьер, не боясь притти в противоречие со своими прежними заявлениями, не останавливается перед утверждением, что именно конституционная монархия, а вовсе не республика, «нравится всем буржуазным аристократам, ненавидящим равенство».

Не меньшие изменения произошли во взглядах Робеспьера на взаимоотношения между обществом и индивидом, в вопросе о пределах индивидуальной свободы. В 1789 — 1792 г.г. эти пределы толковались им чрезвычайно широко, особенно в отношении к свободе слова и свободе передвижения, а также к вопросу о смертной казни.

«Свободная печать, — говорил Робеспьер в своей речи от 11 мая 1791 г., — есть охранительница свободы; стесненная печать — ее палач... Разве вы не видите, что согласно есте-

¹⁾ Следует иметь в виду, что согласно точке зрения Робеспьера, идея отечества может существовать только там, где есть свобода. Где нет свободы, нет и отечества,

ственному ходу вещей, время само приводит к поражению лжи и торжеству истины? . Общественное мнение — вот единственный компетентный судья над отдельными мнениями, единственный законный цензор над писаниями. Если общественное мнение их одобряет, какое вы имеете право их осуждать? Если оно их осуждает, какая надобность в их преследовании?»

Так же широко понимал Робеспьер и свободу передвижения, и еще весной 1791 г. — в противоположность многим своим коллегам по Конституанте, как слева, так и справа — он был убежденным противником законов против эмиграции. А против смертной казни он высказывался не только в 1791 г., но и в конце 1792-го — во время процесса Людовика XVI. Таким образом, в течение всей первой половины революции, Робеспьер был сторонником очень широкой индивидуальной свободы, и только неимоверно тяжелое положение, в котором Республика оказалась в 1793 г., заставило его внести некоторые существенные поправки в свои прежние взгляды.

Мы видели выше, что защита Робеспьером в 1791 г. принципа неограниченной свободы слова базировалась на мысли, что добродетель должна восторжествовать сама, без всякого принуждения свыше. Однако, наблюдение над действительной жизнью не могло не нарушить этого оптимистического положения, и уже через полтора года после своей речи о свободе слова, во время процесса Людовика XVI, в декабре 1792 г., Робеспьером овладевает сомнение в истинности его прежней точки зрения.

«Я вполне веряюсь общей воле, в особенности в ту эпоху, когда она поглощена насущными интересами общественного спасения. Но мне страшна интрига, особенно среди вызванных ею смут и давно расставленных ловушек».

В самом деле, «добродетель была всегда в меньшинстве на земле». Что же удивительного в том, что находятся «гнусные интриганы, которые стараются обмануть большинство», и что это старание им удастся? И разве действительность не оправдывает этих опасений? «Ведь и Учредительное Собрание, большинство которого было проникнуто наилучшими намерениями, изменило своему славному прошлому под давлением террора и клеветы со стороны интриганов».

Разочарование в способности добродетели самой, без всякой внешней помощи, пробить себе дорогу к сердцам боль-

шинства — вот вывод, сделанный Робеспьером из наблюдения над действительной жизнью революционной Франции. Отсюда неизбежно вытекала радикальная перемена во всей системе его мировоззрения, с наибольшей яркостью формулированная в его докладе о принципах революционного порядка управления от 25 декабря 1793 года.

Этот доклад начинается выяснением различия между конституционным и революционным порядками управления.

«Теория революционного порядка управления столь же нова, как и создавшая этот порядок революция. Мы тщетно стали бы искать ее в книгах политических писателей, которые не предвидели и самую революцию... Цель конституционного порядка управления заключается в сохранении республики, цель революционного порядка — ее создание.

Революция есть война между свободой и ее противниками; конституция есть режим победившей и умиротворенной свободы.

Революционный порядок управления нуждается в необычайной активности, ибо он находится в состоянии войны. Он определяется менее точными и менее строгими законами, так как находится среди грозных и изменчивых обстоятельств и вынужден постоянно выдвигать против них все новые и притом быстро действующие средства борьбы.

Конституционный порядок управления имеет, главным образом, в виду свободу индивидуальную, а революционный — общественную. При конституционном режиме почти достаточно одной защиты граждан от злоупотреблений со стороны государственной власти; при режиме революционном, государственная власть сама вынуждена защищаться от тех нападений, которым она подвергается...

Но если революционный порядок управления должен быть более активным и менее связанным в своих действиях, чем обыкновенный, значит ли это, что он менее справедлив и менее законен? Отнюдь нет. Он опирается на самый святой из всех принципов — принцип народного благополучия и на самое бесспорное из всех оснований — необходимость. Он обладает своими законами, построенными на началах справедливости и общественного порядка. Он не имеет ничего общего ни с анархией, ни с беспорядком, напротив того, его цель — подавлять и то и другое и таким путем привести к укреплению господства закона. Он не имеет ничего общего

с произволом; он определяется не частными интересами, а общественной необходимостью».

Таким образом, новые взгляды Робеспьера, выработанные им в процессе революции, не противоречат его прежним принципам, а только их дополняют. То, что он проповедывал в эпоху Конституанты, было теорией «конституционного порядка управления»; теперь же нужен порядок не конституционный, а революционный. Это положение позволяло Робеспьеру, не отказываясь *формально* от своих прежних взглядов, *фактически* сдать их в архив и проповедывать новые, не боясь обвинений в противоречии с самим собой. Отсюда — полная искренность всех его выступлений, в частности, позволившая бывшему противнику смертной казни и закона против эмигрантов сделаться одним из авторов и главным защитником ультра-террористического закона 22 прериаля.

Но революционный порядок управления — только средство. Какова же, по мнению Робеспьера, конечная цель революции? Ответ на этот вопрос дан в докладе Робеспьера Конвенту от 18 плювиоза — 6 февраля 1794 года.

«Пора точно определить цель революции, тот предел, к достижению коего мы стремимся; пора дать нам самим себе отчет как в лежащих перед нами препятствиях, так и в тех средствах, при помощи которых мы будем с ними бороться. Какова цель, к которой мы стремимся? — Спокойное пользование свободой и равенством, царство вечной справедливости, законы коей не выгравированы на мраморе, а вписаны в сердцах всех людей, не исключая забывшего о них раба и отрицающего их тирана. .

Какое государственное устройство способно осуществить эти цели? Только демократическое, иначе говоря, республиканское. Ибо эти слова являются синонимами, несмотря на всю путаницу, которую вносит в эти понятия обыденная речь, и аристократия столь же мало является республикой, как и монархия».

Но что же представляет собой эта демократия, достижение которой, по мнению Робеспьера, составляет конечную задачу революции?

«Демократическим является такое государство, в котором суверенный народ, управляемый созданными им самим законами, делает сам все то, что может делать непосредственно, и через посредство своих уполномоченных все то, что не

может быть сделано им самим... Каков же краеугольный камень демократического или народного строя, тот основной принцип, который его поддерживает и им управляет? Это — добродетель... та самая добродетель, которая является не чем иным, как любовью к отечеству и его законам. А так как сущность республики или демократии заключается в равенстве, то из этого естественно вытекает, что любовь к отечеству включает в себя и любовь к равенству».

Что же означает все вышесказанное? А то, что если отбросить в сторону фразы о добродетели и прочих высоких материях, столь излюбленные всеми вообще представителями мелкой буржуазии и, в частности, якобинцами, то окажется, что *политическим* идеалом Робеспьера является демократическая республика, построенная на принципах свободы и равенства. Каковы же были *социальные* взгляды Робеспьера? *Непонимание Робеспьером роли классов и классовой борьбы.*

Следует прежде всего отметить, что Робеспьер, подобно всем якобинцам, за исключением одного только Марата, имел лишь весьма слабое представление о роли классов и значении классовой борьбы. И это, конечно, не случайно. В то время как крупная буржуазия и пролетариат, занимавшие крайние позиции и ведущие между собой самую ожесточенную борьбу, не могли не осознать, по крайней мере, в лице своих наиболее передовых представителей значения этой последней, мелкая буржуазия, занимавшая промежуточное место и склонная, как мы видели выше, всячески затушевывать классовую борьбу, не могла не отразить этого и на своей идеологии. В то время как представители крупной буржуазии, как Варнав и другие, и пролетариата, в лице «бешеных» и впоследствии бабувистов, довольно отчетливо сознавали значение классов и классовой борьбы и на этом строили свою тактику, громадное большинство якобинцев не пошло дальше простого разделения общества на «богатых» и «бедных» или иначе «народ». Такое же элементарное разграничение находим мы и у Робеспьера. Так, например, характеризуя в своем докладе Конвенту 18 плювиоза—7 февраля 1794 г. деятельность жирондистов, он утверждает, что «Бриссо и жирондисты хотели вооружить богатых против народа». И в другой раз, высказываясь за принятие одного законопроекта, говорит: «Я вижу, что класс богатых отвергает этот закон, а народ требует его принятия».

Не понимая роли классов, Робеспьер еще меньше понимал значение классовой борьбы. Нам уже приходилось отмечать, что борьба жирондистов и «бешеных» против монтаньяров, эбертистов и дантонистов между собой и против робеспьеристов и т. д. объясняется им личной враждой и интригами иностранцев, и почти все выступления Робеспьера и его единомышленников против враждебных им партий и группировок происходили под флагом борьбы с «иностранцами и партиями». Точно так же требования городской и сельской бедноты и выражавшей их интересы партии «бешеных» объяснялись Робеспьером как провокация со стороны контрреволюционеров, «которые с самого начала революции стремились запугать всех богатых призраком аграрного закона, этого нелепого пугала, при помощи которого подлецы пугают дураков».

Что же касается собственно социальных взглядов Робеспьера, то мы видели в свое время, что он уже весной 1794 г. совершенно недвусмысленно выказал себя убежденным сторонником права частной собственности, считая идею имущественного равенства «настолько же опасной, сколько несправедливой и неисполнимой». Но если защита принципа частной собственности вполне соответствовала буржуазной психологии Робеспьера, то как представитель *мелкой* буржуазии, он не мог сколько-нибудь сочувственно относиться к столь невыгодному для его класса, связанному с развитием капитализма, процессу концентрации капитала. Вот почему, уже в Конституанте, выступая на защиту законопроекта, направленного к урезыванию свободы завещателя распоряжаться своим имуществом, Робеспьер восклицал, обращаясь к своим коллегам: «законодатели, вы ничего не делаете для укрепления свободы до тех пор, пока ваши законы не будут стремиться к тому, чтобы мягкими, но действительными средствами уменьшить существующее в настоящее время чрезвычайное имущественное неравенство».

Идеалом Робеспьера, как типичного мелкого буржуа, было господство мелкой собственности, и осуществленное монтаньярами уже в эпоху Конвента законодательство по наследственному праву стремилось к достижению именно этой цели.

Социальные взгляды Робеспьера — в противоположность его политическим взглядам — оставались со времени Конституанты и Легислативы неизменными в течение всей его по-

следующей деятельности. Если упорство контр-революционеров заставляло его сплоснь и рядом вести борьбу с «богатыми», которые, по его мнению, недостаточно энергично защищали революцию; если тактические соображения, ввиду, например, необходимости союза с «бешеными», заставляли его иногда идти на значительные уступки в вопросах сравнительно второстепенного характера, то в основном и главном Робеспьер неизменно оставался верен себе. Достаточно сказать, что в той же речи 24 апреля 1793 года, которая послужила как бы союзным договором между монтаньярами и «бешеными», Робеспьер, несмотря на все уступки, которые он счел нужным сделать этим последним, попрежнему называл аграрный вопрос «призраком, созданным мошенниками для того, чтобы запугивать дураков». Уступая в вопросах относительно второстепенных, Робеспьер не мог отказаться от защиты основных интересов своего класса, и социальная идеология монтаньярского вождя носит столь же ярко выраженный классовый характер, как и вся его политическая деятельность.

Такой же характер носила и личная жизнь Робеспьера. И в первое время Конституанты, когда он, еще мало кому известный депутат от Арраса, занимал небольшое помещение на улице Сентонж, и в последующие годы, когда он, один из самых популярных людей Франции, жил в скромном доме владельца столярной мастерской Дюплэ, с семьей которого он близко сдружился и дочь которого сделалась его невестой, Робеспьер неизменно поражал всех, его знавших, исключительной скромностью своих вкусов и потребностей. Прозвище «неподкупный» применимо не только к его общественной, но равным образом и личной жизни. Человек, которого враги единогласно обвиняли в кровожадности, жестокости, эгоизме, стремлении к власти и т. п., мог послужить идеалом всех мещанских добродетелей и героем для какого-нибудь сентиментального романа Руссо или Бернардена де Сен-Пьера. Если бы какой-нибудь иностранный дипломат, с серьезным видом утверждавший о намерении Робеспьера жениться на дочери Людовика XVI и провозгласить себя королем, встретил его гуляющим в субботу со своей невестой, ее родителями, сестрами и собакой, то он вряд ли поверил бы тому, что этот добродетельный мещанин не какой-нибудь клерк из нотариальной конторы, а «тиран» и «диктатор» всей Фран-

ции. Мелкий буржуа в своей идеологии и деятельности, вождь монтаньяров был таким же мелким буржуа и в своей личной жизни, и именно это соответствие между различными сторонами его личности и создают впечатление цельности и гармоничности, которые так поражают в личности Максимилиана Робеспьера.

Заключение.

Почему погиб Робеспьер? Почему монтаньяры, в течение пяти лет шедшие во главе всего движения, бывшие тем революционным авангардом, который вел за собой многомиллионные массы революционной демократии Франции, оказались, неожиданно для всего мира, с тревогой наблюдавшего за судьбами революционной страны, сброшенными с того высокого пьедестала, на который возвела их революция 31 мая—2 июня, и должны были уступить место буржуазной реакции, известной в истории под названием термидорианской?

Большая Французская Революция, эта наиболее классическая из всех известных истории буржуазных революций, была результатом противоречия между общественно-политическим строем Франции XVIII века и развитием ее производительных сил. Разрушая преграды, стоявшие на пути развития капитализма, Французская Революция была *физически* совершена не крупной буржуазией, а страдавшими от своего невыносимого положения пролетариатом и крестьянством. Результатом этого обстоятельства было то, что крупная буржуазия, объективно заинтересованная в победе революции, субъективно оказывалась отброшенной в лагерь ее противников—из страха перед победой низших классов. Поскольку же пролетариат, не говоря уже о крестьянстве, при данных в то время экономических предпосылках, не обладал достаточным для руководящей роли классовым самосознанием, в положении вождя революции могла оказаться только мелкая буржуазия больших городов—состоятельные ремесленники, мелкие и средние торговцы, чиновники, представители свободных профессий и др. Представители этих слоев населения были достаточно подготовлены к такой роли, как своим экономическим положением, так и влиянием «просветительной философии» XVIII века.

Таковы причины, обусловившие роль мелкой буржуазии в Великой Французской Революции и сделавшие партию монтаньяров революционным авангардом своего класса; причины, позволившие Робеспьеру и его единомышленникам в течение пяти лет стоять во главе всей революции. Но эти же причины обусловили и кратковременность их роли. Совершив при поддержке рабочих и крестьян то, что не могла сделать крупная буржуазия, монтаньяры *после победы революции* неизбежно должны были оказаться тормазом для дальнейшего экономического развития страны. Занимая по своему экономическому положению промежуточное положение, колеблющиеся между борющимися друг с другом крупной буржуазией и пролетариатом, монтаньяры были нужны истории только *во время* буржуазной революции, но не *после* ее победы. Победа революции означала торжество крупного капитала, закрепление политической власти за крупной буржуазией. Дальнейшее существование якобинской диктатуры стало излишним, и гибель монтаньяров была естественным и единственно возможным результатом торжества революции. Мавр сделал свое дело и теперь должен был удалиться. Робеспьер погиб, потому что победил.
